

Вентру

Владыки Проклятых

Перевод в сокращении:

Егор Мельников

Кто мы для вас? Короли? Епископы? Директора корпораций и влиятельные политики? Позвольте заверить вас, что мы нечто гораздо большее. Везде, где один может обрести власть над другим, мы скрываемся в тени за спинами окружающих, готовые выхватить львиную порцию власти и славы. В наших венах течёт густая кровь богов, друзья мои. Ваше стремление преклоняться перед нами совершенно естественно, уверяю вас.

Вэриматрас, Эфор Мехет в Портленде

Эта книга:

- Рассказывает тайную, подлинную историю Вентру – клана, который всегда побеждает.
- Возвращает Малкавиан: вампиров, сведённых с ума сверхъестественной эпидемией.
- Показывает, как могут выглядеть сами Вентру, благодаря записям, составленным Сородичами по всему миру. Это живое, образное и пугающее путешествие по Миру Тьмы, которым насладятся и игроки, и простые читатели.
- Новые Преимущества, родословные, Дисциплины и тайны кланов, которые придутся по вкусу каждому игроку *Vampire: the Requiem*.

Создатели

Авторы: Рассел Бэйли, Уилл Хайндмарч и Чак Вендиг

Разработка: Джозеф Д. Каррикер-младший и Уилл Хайндмарч

Креативный директор: Рич Томас

Руководитель производства: Мэтт Милбергер

Редактор: Анита Хэйгер

Художественный руководитель: Крейг С. Грант

Дизайн книги: Крейг С. Грант

Иллюстрации: Эд Боурелл, Роберт Картер, Мигель Коимбра, Луциус Грациано, Майкл Кох, Эфрем Палациос, Мэтт К. Смит, Клаудия Суттон, Матиас Тапиа, Эндрю Трабболд, Дерк Веннеман

Дизайн обложки: Чад Майкл Уард

От автора

Лучшие элементы **Vampire: the Requiem** были придуманы изобретательными, талантливыми, а пожалуй – даже немного пугающими писателями и художниками, с которыми я имел честь работать. Эту традицию задали ещё наши предшественники, которым удалось создать несколько поколений книг по Миру Тьмы всего из нескольких ранних идей. И конечно же, огромную роль в нашем успехе сыграло представление Джастина Акилли о том, как должен выглядеть **Vampire: the Requiem**. Что касается Крэйга Гранта, то он корпел над этой книгой, словно ирландский монах.

Причина, по которой вы выбрали эту книгу и решили заглянуть внутрь, называется *обложкой*. Восхитительная картина, не правда ли? Это работа Гранта, Милбергера и Томаса. Можете купить им пару напитков. К слову, это последняя книга, разработкой которой (хотя бы отчасти) я занимался в рамках развития **Vampire: the Requiem**.

Надеюсь, она вам понравится.

Уилл Хайндмарч

Господину В. Х.
от его самого преданного слуги:

Уже множество лет прошло с тех пор, как вы поручили мне эту задачу, и я искренне надеюсь, что время смягчило раны, нанесённые вам тем таинственным инцидентом. Эта работа была долгой и неопределённой, и на протяжении первых нескольких месяцев мне казалось, что нам не найти ни одного Лорда, который бы захотел говорить с нами. Казалось, будто мы не услышим ни одной тайной истории. Однако я чувствую необходимость сразу пояснить, что именно вошло в ту работу, которую вы держите в руках – и почему я так долго тянул, прежде чем передать её вам.

Погибло немало людей. Нет-нет, обычных людей. Простых смертных мужчин и женщин. Уверяю, я знаю лишь одного Сородича, который встретил горький конец, помогая нам завершить исследование, хотя у меня и есть некоторое подозрение, что были и другие жертвы из нашего рода. Увы, я не могу сказать, что никто из Лордов *не пострадал* из-за того, что пошёл мне навстречу. Возможно, они не погибли, но скольких заставили спрятаться, наказали, изгнали, повергли пыткам или искалечили лишь за то, что они рассказывали мне все эти истории? Полагаю, число дальнейших жертв будет зависеть от того, что вы сделаете с этими кровоточащими страницами. И каюсь: я не мог не задаваться этим вопросом на протяжении своих поисков.

Должен признаться, я далеко не раз думал о том, чтобы бросить эту задачу. Равным образом, сознаюсь, что я всерьёз не собирался отправлять её вам. Это означает, что я действительно был готов умереть, окончательно и бесповоротно, только бы не продолжать свой труд. В конце концов Никodem¹ убедил меня, что решать судьбу этой работы – не моя задача и что мы потеряли гораздо больше из-за того, что многие представители нашего рода отказывались делиться своими знаниями. Секреты, которые защищают нас из ночи в ночь, одновременно исчерпывают наши силы.

Впрочем, по меньшей мере один илот был освобождён из кровавой темницы благодаря полученным мною сведениям, и по меньшей мере один потомок воссоединился с Сиром, которого он любил и искал долгие годы – а потому я не могу утверждать, будто эта работа принесла только страдания.

Однако не следует полагать, что мы в силах хранить свои тайны, не принося в жертву историю и легенды своего клана. Только если мы начнём рассказывать окружающим то, что нам известно, у нас появится шанс узнать больше о своём прошлом и обрести подлинное бессмертие. Зная историю своего рода, мы сможем оставлять письма своим потомкам и даже себе самим, используя многочисленные аллюзии, которые не смогут расшифровать ни живые, ни мёртвые из других кланов. В противном случае мы продолжим скрывать друг от друга собственную историю до тех пор, пока она не станет тайной для нас самих. Разумеется, мы боимся, что нас подслушают, но этот путь ведёт лишь к невежеству и непониманию собственного величия.

Во имя сохранения знаний и духа самого Маскарада я зашифровал многие части этой работы, сделав их такой же аллюзией, как и наша собственная история. Я изменил кое-какие имена и названия, чтобы они не пострадали за оказание помощи в моих поисках, если эта работа попадёт в чьи-нибудь другие руки, помимо ваших. Не считая этих изменений, я выполнил вашу просьбу и нарисовал портрет современного Вентру.

¹ Вымышленный герой, составитель книги *Nosferatu: The Beast That Haunts The Blood*.

Многое из того, что ожидает вас на страницах моей работы, основано на доказанных фактах. Но и другие страницы содержат непреложную истину.

Semper servus,
У. Т.

Я хранил это письмо с самого начала исследования, но теперь мне хочется побыстрее расстаться с любыми вещами, напоминающими мне о прошлом. И всё же я бы хотел, чтобы вы сохранили его. Мне оно кажется полноценной частью работы.

Господину В. Х.

от его самого преданного слуги:

Сир, для меня будет честью поработать над этим проектом!

С радостью сообщаю, что мои люди уже исследуют необходимые записи и опрашивают тех, кто может хоть что-нибудь знать. Я уже имел возможность убедиться, что возраст и склонность к хранению тайн привели к почти полному исчезновению писателей из числа Вентру. Как вы понимаете, некоторые из моих агентов и сами родились ещё в те времена, когда составление писем и непрерывное общение не было таким популярным занятием, каким оно стало сегодня.

Можете ожидать по меньшей мере с десятков сотрудников, которые займутся поисками до конца года. Очевидно, что М. немного заstopорит наш труд, но я доверяю своим людям и обещаю, что они справятся.

Думаю, для составления хоть сколько-нибудь точного обзора современной культуры Вентру нам понадобятся несколько лет. Кроме того, уверен, нам будет мешать не только привычка наших Сородичей хранить в секрете любую доступную информацию, но и ложные представления об истории нашего вида, не говоря уже об осознанной лжи. Изучение рукописей поможет нам получить общее представление о нашей деятельности в прошлых столетиях, однако, я полагаю, составить портрет современных Сородичей мы сможем только с опорой на переписку или беседы с нынешними представителями нашего клана.

К слову, я планирую создать общую базу хранения записей, комментариев, писем и артефактов, которые мне удастся собрать в ближайшее время. Думаю, это только пойдёт на пользу нашей работе. Скорее всего, мы накопим достаточно бумаг, чтобы в конце концов нам пришлось нанять доверенного архивариуса. Можете ли вы порекомендовать мне кого-нибудь для выполнения этой задачи или я вправе провести собственный поиск? Признаюсь, я не совсем уверен, с чего начать, а мои связи с другими Сородичами пока что не простираются за пределы исследовательских и коллекционерских кругов.

Честно говоря, это потрясающая идея! Меня до сих пор изумляет, что никто не предпринял попытку заняться всем этим раньше, и даже не раз. Могу я спросить, что побудило вас так щедро вложиться в этот проект? С какой целью вы используете наши сведения, когда мы закончим работу?

В любом случае, если вам или вашей семье понадобится моя помощь, только скажите.

Semper servus,

У. Т.

Господину В. Х.

Для того, чтобы вам было легче читать и использовать этот материал, я снабдил его кратким перечнем глав наряду с глоссарием. Из него вы сможете узнать термины, которыми Вентру пользуются в нынешней Пляске Смерти.

Semper servus,

У. Т.

Структура моей работы

Глава первая:

История Вентру (стр. 8)

Этот раздел проливает свет на происхождение вампиров, которых в современные ночи принято называть Вентру. Я открываю свою работу **Исповедью Карлайла** (см. стр. 8) – Вена, ведущего уже очень долгий и древний Реквием. Эти сведения мне любезно передал некто Томас Кловис. Дальше мы обращаемся к **Предтечам Вентру** (см. стр. 12) и погружается в изучение их родословной, связанной – если верить легендам – с самим **Энеем, сыном Венеры, Первым царём Вентру** (см. стр. 12).

Затем вас ждёт **Сага о Вентру** (см. стр. 16), которая повествует о деятельности клана начиная с царства Энея и завершая нынешним миром. Под конец этого раздела мы поговорим **Об имени: Вентру** (см. стр. 30), чтобы понять истоки происхождения того названия, которым наши Сородичи пользуются в текущие ночи. Кроме того, я решил, что вам могут понадобиться некоторые из моих **Источников** (см. стр. 32). Поскольку они оказали мне неоценимую помощь в составлении этого раздела, я прилагаю их краткий обзор в конце главы.

Глава вторая:

Культура Лордов (стр. 38)

Большая часть моего труда посвящена различным аспектам существования Вентру, которые следует учитывать в современные ночи. Прежде всего, мы обсудим **Имена владык** (см. стр. 38), чтобы лучше понять роль имён (включая различные псевдонимы) в общественной деятельности нашего клана и ознакомиться с тонкостями использования и смены имён в коллективе Вентру.

Затем я представлю вам текст интервью с **Кресцентией Макеллариус** (см. стр. 40) из родословной Макеллариус: должен заметить, беседа с ней была исполнена одновременно мудрости и ужаса. Эссе на тему **Благородные преступления тирании: роль семьи и обычаев в обществе Лордов** (см. стр. 44) повествует о концепциях семейной гордости и традиций именования, знакомых всем Вентру. Дальше я предлагаю вам пробежаться глазами по удивительному памфлету, который ходил в коллективе Вентру несколько лет назад: если верить его абсурдному содержанию, **Боги были вампирами** (см. стр. 49). Уверяю вас, это будет весьма занимательное чтение.

Подробности встречи с **Магнатом**, как он сам себя называет, вы сможете найти на стр. 50. Дальше я решил показать лучшую подборку **записок о “Тайной истории”** (см. стр. 53), излагающих самую параноидальную из теорий заговора, известных нашему клану. Куда больше практических сведений вы получите из **Хьюстонских писем** (см. стр. 55), составленных двумя самыми влиятельными Сородичами Хьюстона и адресованных картианскому лидеру города. Из них вы узнаете о череде необычных событий, произошедших в этой части мира к появлению урагана Катрина. Также мне показалось уместным добавить сюда сочинение о традиции **Криптии** (см. стр. 59), которую соблюдают многие Вентру.

Затем мы рассмотрим два способа обучения так называемому “голосу Лордов”: **Доминатрикс и Академию** (см. стр. 64). После этого я представлю вам **Письмо Джордана** (см. стр. 66), написанное одним из моих знакомых, которому довелось столкнуться с чем-то поистине необъяснимым. Кроме того, мы рассмотрим трёх *необычных* Вентру с точки зрения их репутации (или, возможно, бесчестья): **Крысиного короля** (см. стр. 68), **Лорда Парадайз-Лейк** (см. стр. 74) и **Лесную ведьму** (см. стр. 80).

Завершает этот раздел **Безумная архонтология** (см. стр. 85), созданная загадочным автором якобы для того, чтобы подчеркнуть важность скромности в нашем клане, однако на самом деле служащая напоминанием, что одной лишь чистоты крови не достаточно, чтобы завоевать признание. Уверяю, этот текст немало вас рассмешит. После этого мы обратимся к **Панегирику непрерывной цепи** (см. стр. 90) – подробной генеалогии

Вентру, составленной одним неонатом и служащей превосходным напоминанием о том, почему не следует докучать старейшинам.

В заключение я представляю вам описание жуткой болезни, наиболее известной как **Малкавия** (см. стр. 95). Сородичи, полагающие, что безумие скрыто в самой крови Вентру, найдут здесь немало аргументов в пользу своей теории.

В самый последний момент мне на глаза попало кое-что любопытное. Я просто не смог оставить такое сокровище без внимания. Хотя я и приношу извинения за бессистемность, которую эти разрозненные фрагменты вносят в проект, я включаю их в свою работу. Эти “Записки мёртвой девочки” повествуют о расследовании целой серии странных и достаточно жутких убийств – обратите внимание на результат, к которому поиски привели этого бедного Сородича. Я думаю, нам не следует закрывать глаза на подобные происшествия.

Глоссарий Лордов

В этом руководстве приведены термины, необходимые для понимания истории и культуры нашего клана. Некоторые из этих слов звучат вполне знакомо, однако их значение может разительно отличаться от общепринятого. С другой стороны, среди них хватает и терминов, которые звучат по-новому, хотя в действительности они описывают хорошо известные понятия. Некоторые слова и определения не имеют особого смысла без реального понимания нашей культуры.

Я распределил эти термины на несколько простых и во многом пересекающихся категорий, которые помогут вам понять не только их смысл, но и аудиторию, для которой они предназначены. Вот эти категории:

- **Формальные термины** – это общеупотребительные слова, использующиеся при общении с достойными собеседниками или в присутствии вышестоящих лиц. Их употребление приемлемо как в живой речи, так и в переписке. Вы можете услышать их от Вентру любого возраста.

- **Неофициальные термины** – избегайте использования этих терминов при общении с Лордами, которых вы ещё не знаете. Было бы слишком самонадеянно полагать, что старшие или хорошо известные Сородичи отнесутся к их употреблению с пониманием. Подождите сигнала, который покажет вам, что к вам относятся с дружелюбием (к слову, об этом может свидетельствовать использование одного из подобных терминов), прежде чем выходить за рамки светского лексикона.

- **Архаичные термины** – старые термины Вентру до сих пор не вышли из моды. Хотя некоторые из них употребляются лишь для намеренного создания контраста или иронии, время от времени они возвращаются в повседневный язык Лордов. Даже по-настоящему древние термины могут употребляться среди современных Вентру на регулярной основе.

- **Современные термины** – попытка обратиться к старейшине или другому известному Сородичу на современном сленге или жаргоне часто считается признаком дурного тона. Многие Лорды сознательно изучают язык нынешних смертных, однако было бы слишком неосторожно использовать одно из подобных слов в компании, с которой вы не знакомы.

- **Вульгарные термины** – это не просто “грязные” слова наподобие тех, которые временами проскальзывают в повседневной речи. Эти ёмкие, оскорбительные формулировки, обладающие глубоко язвительным смыслом, который позволил им оставаться в обиходе на протяжении долгих десятилетий. Не следует считать их простыми ругательствами. Такие слова используются как оружие. Прибегайте к ним с осторожностью.

Словарь

Заражённые (прил./сущ., формальное, архаичное): пострадавшие от Недуга (см. ниже); любые Сородичи, разум которых помутнён Малкавией (см. ниже). *Никто не видел её с тех пор, как она посетила группу заражённых в прошлом году.*

Недуг (сущ., формальное, архаичное): древняя сверхъестественная болезнь или проклятие, якобы возникшее в сердце клана Вентру приблизительно в начале нашей эры и позже распространившееся на другие кланы Сородичей. Вампиры, затронутые Недугом, страдают всевозможными маниями, психическими отклонениями, душевными болезнями или эмоциональными слабостями и в конце концов теряют рассудок. Считается неизлечимым (см. также описание Малкавии). *Его души коснулся Недуг.*

Энеид (сущ. или прил., формальное): Сородич, возводящий свою родословную к древним представителям Вентру, считающимся потомками Энея (см. ниже), или косвенно относящийся к их династии. Синоним прилагательных *благородный*, *почтенный*. В качестве архаичного и формального существительного употребляется для описания любых Сородичей, принадлежащих к династии Вентру или Мёртвых Юлиев. *Будь осторожен, мой мальчик: в его жилах течёт кровь Энеидов, а его союзники многочисленны и влиятельны.*

Делить стол (глагол+сущ., неформальное/формальное): участвовать в деловых проектах; быть частью команды; заниматься чем-либо. Обычно эта фраза используется в тех случаях, когда речь идёт о контактах, встречах или операциях, суть которых лучше не разглашать при лицах, присутствующих в данный момент. *Глубоко сожалею, но мой хозяин не может принять вас прямо сейчас, поскольку он делит стол с Патриархом. Или: Вам следует приложить большие усилия, Джонас, если хотите делить с нами стол.*

Потомок Энея (сущ., неофициальное, архаичное): поэтический (или пафосный) термин, описывающий древних или предельно консервативных Вентру. В более широком смысле описывает Вентру и Мёртвых Юлиев (см. ниже), династии которых по легенде произошли от троянского героя Энея. *Патриарх думает, что всем нам, потомкам Энея, будет лучше, если он займёт место Князя.*

Колониальный (прил., неофициальное, архаичное): любой город, родословная, потомок, котерия, ковенант или другая группа Сородичей, считающаяся прямым ответвлением другого коллектива, особенно если они разделены большим расстоянием. Используется в сочетании с именем прародителя или всей группы предтеч: например, будет безграмотно сказать: *“Эдгар состоит в колонии”*. Грамотным это предложение станет с поправкой: *“Эдгар состоит в колонии Соломона”*. По традиции колониальными считаются только те вещи или сообщества, которые находятся за пределами города-родоначальника. *Известно ли вам, что Князь Филадельфии состоит в колонии нашего Патриарха?* Также слово “колониальный” используется в неофициальной речи для описания индивида или коллектива, подчиняющегося кому-то ещё. *Наверное, вы рассчитывали, что мы состоим в чьей-то колонии, но с этим вы промахнулись.*

Криптия (сущ., формальное, архаичное): исторически – подпольная котерия Вентру, работающая на Князя или Патриарха и мстящая Сородичам или смертным, которые подвели их клан или город (особенно ради поддержания баланса сил или предотвращения потенциальных изменений в социальной иерархии). В качестве официального органа Криптия была (хотя, по некоторым данным, остаётся до сих пор) своего рода тайной полицией Вентру. На практике её члены были простыми убийцами. Чаще всего “Криптией” называется формальное (хотя по-прежнему тайное) сообщество из двух или более Вентру, специально отобранных для выполнения определённых задач. Сегодня уже любая группа Сородичей, участвующих в секретной или незаконной операции, может носить название “криптии” (с маленькой буквы), особенно если её члены или хотя бы лидер состоят в клане Вентру. *Прошлой ночью он назвал Графа глупцом, а сегодня никто не знает, куда он делся, и ты по-прежнему не видишь причин подозревать, что его забрала Криптия?*

Мёртвые Юлии (сущ., формальное): современное упоминание клана Сородичей, действовавшего на улицах Древнего Рима в период правления Камарильи. По традиции Юлиев называют кровными родичами Вентру. В современные ночи их даже порой считают частью того же клана, невзирая на все различия в обычаях и культуре. Подлинное родство Юлиев и Вентру до сих пор служит предметом слухов и жарких споров. *Это строение возвели здесь ещё во времена Мёртвых Юлиев.*

Безумец (сущ., неофициальное): Сородич, использующий или осваивающий мистические способности, связанные с Малкавией (см. ниже); тот, кто практикует Помешательство (см. ниже); с меньшей точностью используется для обозначения любых Малкавиан (см. ниже). Также употребляется в качестве неофициального термина, обозначающего вампира, владеющего мистическими качествами Недуга. *Его Сир вёл себя странно в течение многих десятилетий, однако я впервые слышу, чтобы его напрямую назвали Безумцем.*

Доминион (сущ., неофициальное): одновременно могущество Сородича и пределы, которых оно достигает благодаря сверхъестественной крови Вентру (см. ниже). Под этим могуществом подразумеваются не только физические способности, но и весь перечень связей, активов и других объектов манипулирования, включая Дисциплины Сородича в

целом. *Стоит вам сесть с ним в машину, и десять минут спустя вы уже станете частью его доминиона.*

Эфор (сущ., формальное, архаичное): титул, который дают самому уважаемому и, как правило, старому Лорду (или нескольким Лордам), который консультирует других Сородичей по вопросам политики, истории и обычаев. В домене не может присутствовать более пяти Эфоров, поскольку каждый из них традиционно выступает в роли посла, работающего с определённым кланом, включая самих Вентру (нередко Эфором в клане Вентру становится их Патриарх). *Думаю, это сработает, однако мне было бы спокойнее, если бы с нами согласился Эфор этих Дикарей.*

Панегирик (сущ., формальные): речь, восхваляющая определённого Сородича, его достижения, чаще всего произнесённая со смирением и почтением. В отличие от традиционного значения термина, в коллективе Лордов существительное “панегирик” обычно произносится в присутствии самого адресата в качестве уважительного жеста, демонстрирующего лояльность, восхищение или преклонение. Иногда хвалебные речи произносят несколько конкурирующих ораторов, состязающихся в красноречии и остроумии. *Учтите, что от успешности этого панегирика зависит, предложит нам Эджвуд взять желаемое или всего лишь позволит нам сделать это.*

Гении (сущ., архаичное): 1. Множественное число слова “гений” (см. ниже). 2. В прошлых столетиях обозначало любую родословную Вентру, которой сопутствовала редкая удача, словно дарованная невидимым духом, или другая родословная Проклятых, достигшая процветания из-за сверхъестественного или необъяснимого стечения обстоятельств, на которые трудно было повлиять при помощи обычных вампирских качеств. 3. В современные ночи – семья или родословная, достигшая статуса уважаемых и процветающих Лордов; иногда несёт в себе дополнительное значение династии, обретшей духовного или социального благополучия вне зависимости от наличия материальных благ. *Она считается самой молодой из гениев Кафедрал-Хилл, построивших большинство зданий в этом районе.*

Гений (сущ., архаичное): 1. Дух, покровительствующий семье; душа предка, защищающая или охраняющая потомка. В старой Римской традиции гением называли именно покровителя семьи, хотя существовали и другие образы: например, *гении локи* – то есть духи, воплощающие истинную сущность определённого места. Хотя изначально гениям приписывался мужской пол, традиция Вентру лишила их чёткой гендерной характеристики. В частности, он считается хранителем мудрости и защитником всего рода, включая женщин. Отчасти это стало реакцией на отказ от употребления термина Юнона (обозначающего женский вариант гения), поскольку это имя вызывает у потомков Энея (см. ниже) негативные ассоциации. Большинство Лордов (хотя и не все из них) считают этих духов легендарными или метафорическими созданиями, а не реальными сверхъестественными покровителями. 2. В современном обиходе гением стал называться любой Вентру (независимо от пола), способности или идеи которого приносят большую пользу клану или даже конкретной династии этого индивида. В этом случае слово “гений” используется для выражения восхищения. 3. Светское представление Вентру об идеальном Сире (или Грандсире и т.д.) как покровителе, советнике и непревзойдённом лидере. *Все мы должны стремиться стать гениями своих потомков.*

Великий (прил., неофициальное): чрезмерно претенциозный и вычурный; высокомерный; эгоцентричный; страдающий от мании величия. Этот саркастический эпитет применяется, по меньшей мере, с тринадцатого столетия для высмеивания персоны, не присутствующей в текущей беседе (особенно в случае со смертными). Современные Лорды иногда применяют это выражение для подшучивания над определёнными лицами или вещами: например, *“Это отличный костюм, Оскар. Можешь идти и подставить своё запястье Марии Великой, но я остаюсь здесь”*.

Гегемон (сущ., неофициальное): Лорд, наделённый формальной или даже юридической властью (либо контролем) над определённой группой, не относящейся к Сородичам,

смертным или гулям (например, над оборотнями или подменышами), или территорией, связанной с деятельностью подобных существ. Строго говоря, этот термин может быть использован как синоним слова “правитель” в более привычном смысле слова, однако в устах современных Вентру он чаще всего обозначает именно “царя чужаков” (старейшины Вентру или воспитанные ими вампиры произносят это слово скорее как “гегемоан”). *Хотя может показаться, что она осталась в полном одиночестве, на самом деле её признают гегемоном на всей территории Бирнамского леса.*

Илот (сущ., архаичное): раб, жалкий прислужник; покорное существо без амбиций и прав; помощник, не имеющий надежды на продвижение; персона, которой можно манипулировать без каких-либо последствий. Происходит от названия слугителей в Спарте. Хотя формально илоты занимали более высокую позицию в этом древнем городе, на практике им отводилась низшая социальная роль. Поскольку легенды Вентру повествуют о надругательствах спартанцев над бесправными илотами как о почти ритуальном действе, в современные ночи этот термин может использоваться для описания человека, который заслуживает наказания или обречён на него в ближайшее время. *Продолжай в том же духе, илот, и скоро твоё тело найдут обескровленным где-нибудь в переулке.*

Валеты (сущ., неофициальное): двое или несколько молодых и активных Сородичей, особенно из числа энергичных и амбициозных Вентру, строящих грандиозные планы, однако почти не знающих дисциплины. В современные ночи валетами могут называть любую клику Сородичей, занимающуюся криминальной или другой неприглядной деятельностью. Как правило, Сородичи, получившие такое прозвище, ведут подвижный и энергичный образ жизни, передвигаясь по городу от вечеринки к вечеринке или от одного совещания к другому. Данный термин может быть производным от валета из колоды карт: в этом смысле Вентру часто дополняют прозвище новыми шутками и метафорами, основанными на различиях между мастями (например, группу бандитов могут звать Трефовыми валетами). Стоит заметить, что Лорды не используют женских эквивалентов этого термина, и хотя на практике группа валетов может содержать членов обоих полов, само слово обладает ярко выраженным гендерным оттенком (таким образом, валета женского пола, вероятнее всего, будут называть просто стервой). Существует даже афоризм девятнадцатого столетия: *“Есть ли что-нибудь более жалкое, чем одинокий валет?”* Пример использования: *“Эти двое валетов из Эджвиля вчера заявлялись в цирк к Графу – видно, хотели получить его одобрение”.*

Царь (сущ., неофициальное): смертный или вампир, наделённый нешуточной властью, но управляемый или манипулируемый внешней силой; марионеточный правитель. Тот, кто сидит на троне, а не контролирует истинное положение дел. Этот иронический титул используется Вентру для обозначения власти, которая выглядит абсолютной, однако в действительности лишена автономии. От этого термина произошла идиома *“сделать царём”*, означающая попытку даровать кому-либо власть или помочь захватить её, чтобы использовать эту персону в собственных целях. *Не думаю, что вы можете сделать царём Спенсера, не заплатив за это кругленькую сумму: вы же знаете, что он уже царствует по воле Эдгара, верно?*

Лар (сущ., формальное, архаичное): первоначально латинский термин, обозначающий бога и/или родового духа, отвечающего за домашнее хозяйство. Ныне это слово используется Вентру в качестве напоминания об их происхождении. Как таковое оно играет значительную роль в мифологии клана. Также оно может использоваться в значении “почитаемый предок” по отношению к одному из вампиров из династии говорящего (обязательно старше Сира).

Слова Лорда (сущ., формальное, архаичное): мистическая сила крови, позволяющая влиять своей волей на окружающий мир; сверхъестественная сила, которую традиционно связывают с образом Вентру. Дисциплина *Доминирование* и её эффекты (в этом смысле

используется синонимичная конструкция *барское повеление*). *Если его не отрезвит здравый смысл, я заставлю его услышать Слова Лорда.*

Малкавия (сущ., формальное): Недуг (см. выше). Истинное происхождение этого названия утрачено из-за древности, но среди Проклятых оно до сих пор означает мистическое расстройство психики. *Наши проблемы начались с того, что он привёл сюда двух потомков, заражённых Малкавией.*

Малкавиан (сущ., формальное): любой Сородич, поражённый мистической эпидемией, известной как Малкавия (см. выше). Во многих городах Малкавиан ошибочно считаются родословной, произошедшей от Вентру. Также считается, что они ответственны за распространение этого Недуга (см. выше). Тем не менее, такой родословной попросту не существует: возможно, это заблуждение стало результатом “народной этимологии”, согласно которой Малкавия получила своё название от вампиров Малкавиан. В действительности сами Малкавиан называются так потому, что страдают от указанного Недуга. *По решению Князя все Малкавиан, и только Малкавиан, обязаны устраивать себе убежища исключительно в здании старой детской больницы.*

Виращ (сущ., неофициальное): изменение чужой позиции или продавливание своего мнения посредством договоров, ораторского искусства, спора или страстного обсуждения. *Хорошо сказано, мальчик, но этот виращ не поможет переубедить меня.* Существует и родственное выражение, описанное буквально абзацем ниже.

Уйти в виращ: (глагол., неофициальное): поддаться чужим убеждениям или изменить позицию из-за уговоров или аргументов собеседника; часто подразумевает определённую слабость или уязвимость описываемого индивида. *Я даже не думал, что могу уйти в такой виращ, но теперь я Картианец.*

Кумовать (глагол., неофициальное): использовать семейные связи и обязательства в политических целях; злоупотреблять личными отношениями ради политической выгоды; бессмысленно взывать к личным, особенно семейным интересам, в деловой ситуации. Индивид, по отношению к которому употребляется этот термин, метафорически сравнивается с юным принцем, требующим внимания или сочувствия в разгар встречи государственных деятелей. В современные ночи может подразумеваться, что такой вампир ведёт себя, как избалованная девушка, привыкшая решать проблемы, говоря: “Но мамочка, я хочу, чтобы всё было по-другому...” или “Пожалуйста, сэр, я не могу...”. *Вы видели, как он кумовал, когда кланчил права на кормление у Регента?*

Поэма (сущ., неофициальное; также поэзия): хорошо продуманный или высокоинтеллектуальный спор, особенно если он доставляет удовольствие всем участникам или связан с их личными интересами, однако не позволяет говорящим достичь своей цели. Примером может служить панегирик (см. выше), который вызывает большое одобрение слушателей и искреннюю признательность адресата, однако не приносит реальной политической пользы, или речь на суде, которая заставляет других Сородичей отнестись к говорящему более серьёзно, но не изменяет мнения Князя. *Для них это была настоящая революция, но в глазах Князя они просто увлеклись очередной поэмой.*

Сивилла (сущ., архаичное): Сородич или гуль, использующий кровь Вентру, чтобы заставить или принудить жертву исполнить пророчество, особенно если автором этого “пророчества” является сам инициатор действия. Существа, обладающие реальными пророческими способностями, никогда не получают этого ярлыка, поскольку Вентру называют сивиллами только тех индивидов, которые незаметно обводят других вокруг пальца, скрывая за иллюзией пророчества умелое Доминирование (у этого слова нет мужского аналога, и оно до сих пор сохраняет свою древнюю сексистскую подоплеку; тем не менее, оно применяется в отношении как женщин, так и мужчин). Существует также глагольная конструкция “*Играть в сивиллу*”, что означает “выступать в роли сивиллы по отношению к определённой жертве”. *Она лет, наверное, десять дурачила неонатом Вест-Сайда, играя в сивиллу.*

Разобраться (глагол., современное, неофициальное): убить. Вентру так долго маскировали смысл убийства за другими словами, что выражение “разобраться с вопросом” в современные ночи стало носить уже совершенно иной характер, даже невзирая на то, что дословно оно действительно означает решение стоящей проблемы (в сущности, оба глагола становятся взаимозаменяемыми сленговыми выражениями: даже устранение таких смехотворных помех, как потеря ключей, могут описываться словами “разобраться с проблемой” и “убить эту проблему”). *Идите и разберитесь с Лордом Аптауна.*

Троянец (сущ., неофициальное): очень старый или влиятельный Вентру. В прошлом термин нередко выражал уважение к описываемой персоне, однако в современные ночи они часто используется в уничижительном контексте, указывая на старость или консервативность старейшины. *Этот Лорд правил ещё до рождения христианства, так что не вздумай разговаривать с ним, как с другими троянцами: он легко распознает лесть в твоём голосе.*

Венировый (прил., архаичное, неофициальное): 1. Недавно построенный, привезённый или улучшенный; новый или грядущий. Термин происходит от семантической модификации старого французского слова *venir* (“приходить”). В этом контексте оно означает, что кто-то или что-то имеет хорошие шансы занять своё место в жизни домена. *Эта венировая Тень – мой новый протеже, Санаа.* 2. Принадлежащий к клану Вентру или связанный с ним. *Вы считаете, что здесь наведён порядок, но всё, что я вижу – так это ещё один венировый домен, воспитывающий очередное поколение венировых слуг.*

Кровь Вентру (сущ., неофициальное): 1. Воспитанность; респектабельное происхождение; умение командовать или наводить порядок; членство в почтенной семье. 2. Дисциплина Доминирование или одна из её способностей. *Складывается впечатление, будто в жилах этого Призрака течёт кровь Вентру. Одному богу известно, как такое могло произойти, но ни в коем случае не смотрите ему в глаза.*

Тема: где нам искать истоки своей истории?

С чего же начать?

В одном из писем Лорда Эктона – в том же, в котором он использовал свой знаменитый афоризм “власть развращает” – встречаются такие строки: “Если вы собираетесь написать что-нибудь об истории, мой совет: не делайте этого”.

Когда он писал это предостережение, до наступления двадцатого века оставалось всего лишь десятилетие, и к этому моменту человечество обладало богатой историей – как зафиксированной в виде фактов, так и живущей в простых легендах.

О, сколько чернил было потрачено за прошедшие столетия, сколько отпечатков пальцев осталось на страницах, которые мы так лелеем теперь! Увы, многое уже забылось, а может быть, даже специально было замаскировано и зашифровано, словно рисунок на прибережном песке, который вода стирает волна за волной. Исторические реликвии заросли лианами, утонули в грязи, растворились в дожде или затерялись среди безделушек.

Наша история – это длинный ряд надгробий и вскрытых могил, и хотя мы уже привыкли раскрывать двери очередной гробницы, нам всё труднее разглядеть письма, выгравированные на её стенах. Кто из нас уже умер, а кто – что гораздо важнее – ещё вернётся после столетней спячки? Историю своего рода мы знаем только от окружающих, которые, в свою очередь, услышали её от других. А ведь мы постоянно лжём. Так много, много, *много* лжи скрывается в закромах наших знаний!

Даже то, что мы знаем “из первых рук”, заставляет нас усомниться в надёжности полученных сведений: мало кто из Сорочичей, с которым нам довелось переговорить, доверяли нам в достаточной степени, чтобы рассказать неприкрытую правду. Более того, когда я слышу что-нибудь правдоподобное, меня не оставляет вопрос: “Зачем этот коварный ублюдок сказал мне правду?”. И всё же на нашем пути хватало старейшин, которые оказались готовы рассказать то, что им было известно, невзирая на все опасности и угрозы.

Но как бы то ни было, несмотря на длительность Реквиема, наша история ненамного надёжнее, чем история смертных. Мы должны быть готовы всматриваться в ночь и искать в ней огоньки истины, запалённые тем или иным представителем нашего бессмертного рода. Кажется, будто мы обречены ползти сквозь столетия со свечой в руках, способные увидеть лишь несколько событий в тот или иной период истории, прежде чем наши глаза снова окутывает пелена. Моя работа состоит в том, чтобы забраться как можно глубже в тени истории и затеплить несколько тусклых, пыльных фонарей.

Хотя мы могли использовать в этих целях известные исторические произведения, многие из них написаны смертной рукой, а потому упускают множество истин, известных Сорочичам. Что касается нас, то вампиры по-прежнему передают свои знания из уст в уста: по-видимому, чтобы не оставлять бумажный след, который может привести к ним злоумышленников. И хуже всего то, что эта мера часто бывает оправданной. Именно это объясняет, почему нам известны в подробностях отдельные исторические события, но мы почти ничего не помним о том, что последовало за ними.

Для того, чтобы получить реальные факты, нам приходится рисковать собой, прорезать своими стараниями целые слои маскировки и засекреченности в попытке найти подлинных свидетелей, переживших долгие века Реквиема – и, что важнее, способных выразиться понятным языком, готовых говорить (и говорить *правду*). Увы, это редкое стечение обстоятельств. Куда чаще нам приходится довольствоваться слухами.

В результате все наши представления об истории своего вида собраны большей частью из сплетен и редких свидетельств, немногих доступных (и хорошо сохранившихся) документов, а также множества домыслов и интерпретаций, основанных на прочтении ненадёжных данных из Интернета. Во всех этих областях нам повезло с Никодемом, который сделал огромный вклад в развитие нашей истории. Его технические и мистические познания до сих пор кажутся мне непостижимыми. Вместе нам удалось

исследовать и записать больше сведений по истории Вентру, чем я ожидал, учитывая все ограничения.

Однако если нам получится разбудить ещё более древних старейшин и убедить их рассказать то, что им известно (или даже показать свои собственные заметки), наша история станет несоизмеримо богаче.

Semper servus,
Y. T.

Глава первая: История Вентру

Исповедь Карлайла

Эту бумагу мне переслал Сородич, который и записал слова Карлайла. Я привожу этот текст в своём сборнике потому, что вам наверняка захочется сделать собственные выводы об этом древнем вампире. Однако в целом я отношу рассказанную им историю к тем перетолкам и слухам, с которыми нам с Никодемом беспрерывно доводилось работать (думаю, упоминание Никодема наряду с Карлайлом позволит вам угадать, какая связь установлена между этими двумя Сородичами).

Записано Томасом Кловисом, Герцогом Балтимора.

– Я хочу, чтобы ты доверял мне. Мне нужно, чтобы ты понимал, что у меня нет причин лгать этой ночью, поскольку я хочу сохранить подлинную историю нашего рода. Я хочу вдохнуть в неё новую жизнь, рассказав то, что знаю. И я не вижу другого способа убедить тебя в своей искренности – убедить тебя, что я рассказываю это не для того, чтобы завладеть твоим вниманием в своих целях, – нежели сказать следующее: когда я закончу, ты должен уйти.

Когда я перестану рассказывать, уходи быстро и без вопросов. Ничего у меня не спрашивай и не позволяй мне связать тебя взаимными одолжениями или обязательствами. Не рассчитывай, что я не попытаюсь воспользоваться твоим вниманием. Не думай, что я не попробую извлечь выгоду из этого разговора. Не надейся, что я отпущу тебя без просьб об ответной услуге, даже если сейчас я обещаю отпустить тебя с миром. Просто не верь мне. Ты понимаешь?

Я сказал ему, что понимаю.

Карлайл Древний

Его звали Карлайл, и он был отнюдь не старейшиной. Он был одним из *древних*. Он был старше, чем я мог представить себе тогда, и даже старше, чем я могу вообразить теперь. На протяжении всего периода между окончанием Гражданской войны и Войной в Ираке (которая только начиналась, когда я встретил его), он спал глубоким, столетним сном где-то в землях Северной Америки. До этого он уже погружался в торпор длиною не меньше века – из того, что он помнит, последний из таких снов пришёлся на времена Французской революции.

Впервые я услышал о Карлайле, когда ещё был неонатом. Мой Сир и один из потомков Карлайла были как-то связаны друг с другом, хотя я не знаю, как именно, и думаю, что узнать это мне суждено лишь тогда, когда мой Грандсир наконец проснётся и прольёт свет на эту историю. При всей любви Вентру хвастаться чистотой крови и гордо упоминать своих предков мы постоянно скрываем друг от друга важные части истории. Например, нам с Карлайлом было известно, что во время Первой мировой в Лондоне пропал один из влиятельных Вентру, и поговаривали, что он убит. Однако и я, и Карлайл знали его под разными именами, и трудно было сказать, при каких обстоятельствах он встретил свою Окончательную смерть.

Во время нашей встречи Карлайл выглядел как типичный бородатый мудрец, каким я его всегда представлял, однако он отличался подтянутой, тонкой фигурой. Он походил на Дональда Сазерленда, которого отыскивали где-нибудь среди обломков затонувшего корабля и затем аккуратно причесали. В каком-то смысле подобная внешность помогла мне свыкнуться с его древностью. В конце концов, белобородые старики с тяжёлым голосом всегда вызывали ассоциации с древностью и историей, не так ли? *Подробнее об этом можно будет прочесть на стр. 30.*

Я не хочу рассказывать, где и когда произошла эта встреча, поскольку у него хватает врагов (включая, надо заметить, и мнимых), и не мне развязывать новый виток конфликтов в Реквиеме этого древнего Сородича. Что я готов описать, так это маленькую комнату на втором этаже, в которой мы сидели, глядя на пустой камин, простенькие

стулья и шахматную доску. Окна дребезжали под косыми потоками ливня, а сточные канавы переполнялись, издавая звуки, напоминающие течение крохотных рек. Мы были дальше от городских огней и тёплых домов, чем я когда-либо хотел оказаться, и было так холодно, что мне приходилось проталкивать кровь по венам, чтобы сохранять способность удерживать ручку в пальцах и перелистывать страницы (я не сказал ему о цифровом диктофоне в кармане, но, подозреваю, что он знал о нём).

Но вскоре я забыл обо всём. О звуках дождя, о холоде. Я потерял счёт времени – что мой Сир всегда называл роковой ошибкой для любого Сородича. Однако моему собеседнику было больше тысячи лет. И когда он говорил, я вслушивался в каждое его слово.

Голос истории

Я не знаю, сколько ему лет и сколько поколений, минувших с начала нашей легендарной истории, он повидал, однако я знаю, что во многих историях, рассказанных им, чувствуется, что он сам был очевидцем событий далёкого прошлого. За прошедший Реквием Карлайл сделал то, что давно нужно было сделать мне: он записал не один десяток историй, которые ему доверяли старейшины, собирающиеся отойти ко сну. Он встретился с бесчисленным количеством древних Лордов и постарался запомнить всё, что они рассказывали. Он посмотрел в глаза тысячелетней истории и внимательно выслушал то, что она сказала.

Мой Сир рассказывал, что Карлайл был одним из первых вампиров из американских колоний и что этот древний Сородич вращался в кругу вампиров, на равных общавшихся с королями франков. Дракон, помогший мне отыскать его, считал, что Карлайл видел конец правления Камарильи ещё в Византии. Узнав о том, что я ищу Карлайла, Князь моего домена мне на ухо: “Спроси его о Нумиторе. Спроси о Юлиях”.

Последнее я слышал и раньше: поговаривали, что Сир Карлайна состоял в роду Мёртвых Юлиев – братьях римских *гениев*, среди которых якобы числились сам Юлий Цезарь и император Август. Когда-то род Юлиев был полноценным кланом Сородичей – разумеется, если верить распространённым предположениям. Большинство историков из числа Сородичей даже считали их предшественниками современных Вентру. Для меня этот вопрос приобрёл особую важность.

Вот что сказал мне Карлайл:

– Да, этот слух зародился ещё в незапамятные времена. Далеко не один эрудированный и надёжный историк из моего окружения полагает, что Вентру не существовало приблизительно до тех пор, пока не пала Камарилья. Я тоже признаю, что пока древние Юлии не утратили своё могущество, у нас не было власти – во всяком случае, той, которую мы должны были обрести, чтобы не опорочить имена своих предков. Но я не верю, что мы – всего лишь остатки династии Юлиев. Мы лишь дальние родственники, рождённые от сводных братьев с одним отцом.

Я попросил его продолжить.

– Не имеет смысла говорить о конце истории, пока мы не узнали её начала. Ты ведь хочешь услышать всё?

Я сказал ему, что хочу.

– Ты когда-нибудь слышал о Карломане? – спросил он.

Я сказал, что мне неизвестно это имя.

– Разумеется, нет, – ответил Карлайл. – А не слышал ты его потому, что мы были на стороне его брата, который теперь известен как Карл Великий.

Он улыбнулся, и кончики его клыков высунулись из-под густых усов. В свете, падающем на его лицо сквозь окно, они показались немного синими – как и остальная часть комнатухи, в которой мы устроились.

– Так всегда происходит, верно? Правду приходится искать в трещинах на глубоком дне, поднимая песок и смешивая её с вымыслом. Всё важное остаётся на дне, потому что

его невозможно достать через эти трещины. Можно лишь попытаться извлечь небольшие крупницы истины, и не более того.

Я спросил, был ли его Сир одним из Юлиев. Кем был этот Нумитор?

Он посмотрел в потолок, словно пытаясь сформулировать ответ поточнее.

– Мой Сир принадлежал к числу Вентру, – наконец произнёс он. – Я не знал ни одного Юлия – или, во всяком случае, не встречался с ними лицом к лицу.

Затем он взглянул на меня.

– А Нумитором звали меня самого. Однажды. Это было очень давно.

Я подождал, надеясь, что он продолжит.

– Нынешние Сородичи ещё не отвыкли менять имена? С течением времени? – спросил он.

Я кивнул.

– Я назвался Нумитором, когда мне показалось, что я могу быть кем-то несоизмеримо большим, чем... тем, кем оказался в итоге, – проговорил он. – Уверен, рано или поздно тебе об этом расскажут. Думаю, с тех событий прошло ещё слишком мало времени, чтобы мир забыл о моей репутации. Странно, что ещё никому из нас не удавалось сбежать от своего прошлого.

Он посмотрел мне в глаза и долгое время не отводил их. Я уже хотел отвести взгляд, когда он продолжил:

– Я кое-что сделал. Давным-давно. Сделал нечто ужасное, и именно под этим именем. Мне никогда не удастся освободиться от этого бремени.

Исходя из разрозненных данных, которые мои агенты успели получить прежде, чем потерять след Томаса Кловиса, встреча между ним и Карлайлом состоялась где-то к западу от Филадельфии. Хотел бы сказать что-нибудь конкретнее!

Наш долг перед мёртвыми

– У нас есть долг перед мёртвыми, – сказал он позже. – Мы живём в долгу перед природой. Перед Творцом. Мы отдаём этот долг, непрерывно неся с собой воспоминания об умерших, покинувших землю давным-давно. Проклятие делает это бремя особенно тяжким. Впрочем, оно и должно быть таким.

Я кивнул, хотя не до конца понимал, о чём говорит этот древний Сородич.

– Время от времени, – продолжил он, – мы сами оказываемся в числе таких мертвецов. Выражаясь точнее, я всегда ношу с собой образ Нумитора из своей давней жизни. Он слово влачится за мной на цепи, которую я не могу отстегнуть. Слухи о нас путешествуют быстрее, чем мы сами, и у нас почти нет надежды пережить сплетни, которые Князья и Епископы разных доменов передают друг другу.

Он вздохнул с неожиданной горечью.

– Это просто несправедливо, ты не находишь? Почему мы всё время должны ощущать такую потерю? Мы забываем столько важных и грандиозных событий, только чтобы навсегда запомнить свои минутные страсти. Столько исторических сведений ускользнули от нас потому, что в тот или иной момент нас интересовали мелочи нашей вечной жизни.

Он поджал нижнюю губу и машинально её надкусил. Я никогда не видел, чтобы старейшина делал что-то подобное. И с тех пор мне почти не доводилось увидеть такой жест даже среди молодых Сородичей.

Между тем, он продолжил.

– Я думаю обо всём, что мог рассказать сейчас мой Сир. Об окружающем мире, о нашем роде, о людях. Когда-то он пытался поведать мне это. И не раз! Я даже слушал кое-какие истории, но... меня это мало интересовало. Многое из того, что он жаждал мне передать, теперь утрачено навеки.

Он взглянул на меня.

– Как и он, в современные ночи я начинаю испытывать трудности с тем, чтобы вспомнить, что рассказал мне Сир, а что видел я сам или вычитал из чужих трудов. А кроме того, я начинаю путать собственные воспоминания с памятью крови. Нашей крови.

Его рот содрогнулся вновь.

– Я думал, мне удастся вспомнить гораздо больше. Думал, со временем я вспомню то, что не приходило на ум сразу... Сейчас мне кажется, будто я говорю то, что помню. Однако я не могу отделаться от ощущения, что Сир рассказывал мне свои истории куда лучшее и полнее, чем я могу вспомнить. Теперь я пытаюсь лишь вспомнить его собственные воспоминания...

Он провёл большим пальцем по глазу, слегка надавив на него, и когда веко поднялось вновь, зрачок показался мне окровавленным. Я поймал себя на мысли, что мне хочется уйти. Раньше я не боялся ни одного Лорда – во всяком случае, по-настоящему, – однако в этот момент я почувствовал, что Карлайл вот-вот скажет что-то, о чём пожалеет. Что-то, что мне не удастся выкинуть из головы. Даже учитывая могущество его крови, его голос настоящего Лорда, мне не хотелось знать то, что он сам не хотел мне рассказывать – или захочет стереть из моих воспоминаний в дальнейшем. Мне попросту не хотелось, чтобы он решил обеспечить моё молчание. И тогда я решил дать ему возможность выбрать другой путь.

– Может быть, одной ночью он пробудится и найдёт вас, – проговорил я. – Вы сможете спросить его обо всём, что он хотел вам передать.

Взгляд Карлайла стал каким-то тусклым и отрешённым.

– Нет, – шепнул он.

Глядя на него, я почему-то вспомнил своих смертных отца и деда. Я подумал о вещах, которые я уже никогда не смогу спросить у них, и представил себе, как сильно они и сами хотели задать хоть несколько вопросов собственным отцам. Раньше я никогда не думал о них в подобном ключе. В этот момент они показались мне куда моложе. Они стали даже не столько отцами, сколько... просто людьми. Мой дед умер около века назад. Когда его похоронили, отец уже понимал, что никогда не увидит его на этой земле. Я уже не помню, каково это – знать, что ты никогда не увидишь близкого человека.

Я задумчиво посмотрел на Карлайла и вдруг обнаружил, что он смотрит прямо на меня.

– Когда мы вспоминаем других людей, мы не делаем прошлое более реальным. Мы не делаем его реальнее ни для себя, ни для тех, кто жил раньше. Ни один из бессмертных не может помнить всего о тех, кого он пережил. Даже если я начну сознательно хранить воспоминания обо всём, что знаю, они быстро иссохнут и истончают в этом старом и ненадёжном хранилище знаний... – проговорил он, коснувшись пальцем виска. – Прошлое не может жить так же вечно, как и мы – по той же логике, по которой мы не можем сказать, что живём, даже несмотря на то, что не умерли. Прошлое оживает только тогда, когда мы произносим слова. Когда мы собираем все воспоминания о своих мёртвых любовниках и усопших предках, мы заставляем Проклятие отступить. Мы позволяем им ожить вновь, несмотря на прошедшие годы, в качестве платы за дни и ночи, в которые мы мешали им заниматься своими делами. Мы обязаны рассказывать о них. Нет! Мы обязаны рассказывать, но мы должны и слушать. Ты понимаешь?

Я сказал, что понимаю. Потом Карлайл рассказал мне всё, что помнил. Какое-то время мы сидели в тишине.

Наконец я сказал:

– Благодарю тебя, лар.

Я быстро захлопнул блокнот и опустил ручку в карман. Затем я встал и пошёл к двери, на ходу застёгивая пальто.

– Постой, дитя, – сказал он. – Могу ли я попросить тебя кое о чём?

Я повернулся. Он сидел, протянув ко мне руку. Пальцы были скрючены, а кожа свисала со старых костей, словно ветки, на которые натянули ткань. Впервые за вечер он показался мне дряхлым.

- Прости меня, древний, – ответил я. – Но я должен тебе отказать.
Я застегнул последнюю пуговицу и вышел.
– Правильно, мальчик, – услышал я, закрывая дверь.

Запись с рассказом Карлайла о нашей истории (надо заметить, весьма и весьма неполным) я отослал Никодему. Он взял на себя смелость составить собственный комментарий.

Получив ваши инструкции, я отправил записки Кловиса этому Призраку из Эдинбурга, Никодему, в надежде, что тот сопоставит рассказ Карлайла с местным архивом. Записку взялся доставить один из гулей Никодема, Самсон. У Никодема уже была копия ваших трудов, а потому мы послали ему тексты лишь тех бесед, которые записали в последние несколько лет.

Самую свежую информацию мы получили из Стамбула, от Священника Копья по имени Кристоф, который также исследовал нашу историю наряду с историей Мёртвых Юлиев. Зачем? Увы, мы не можем ответить на этот вопрос. Нам не удалось узнать, на кого он работал и с какой целью. Спустя две ночи после того, как мы обнаружили его письмо, сам Священник и его работы пропали. Мы до сих пор не получили сведений о преподобном.

Это письмо я отсылаю вам и Никодему. Оно совпадает с данными, которые нам удалось собрать с 1954 года, но я затрудняюсь сказать, откуда у него эти сведения. Возможно, в Стамбуле хранятся тексты, доступные только членам Ланцеа Санктум, хотя возможно, что Кристоф нашёл достаточно древнего представителя нашей династии, чтобы тот смог прояснить кое-какие детали.

Отец,

Источники, которые мне удалось достать, совпадают по содержанию с историей Николаса. Из более чем сорока текстов я не нашёл ни одного, которое бы указывало на прямых преемников Юлиев в наши дни. Следов Анаксимандра также давно не видно. Если он вообще посещал этот город (что, впрочем, может быть просто легендой), местные Лорды не сохранили записей об этом событии.

Найденные мной книги возводят родословную Вентру к Энею и прочим троянцам, хотя Карфагенские рукописи повествуют о некоторых событиях, не упомянутых в других текстах. Мне кажется очевидным, что Вентру отплыли из Трои к северо-западным берегам, вероятно, бросив якорь в землях неподалёку от Рейна ещё до появления Брута. С прибытием последнего они, тем не менее, смогли заложить основы династии Сородичей (насколько сплочённой, теперь сказать трудно). Брута они почитали лидером в силу его близкого родства с ларами (или Венерой?)

Та же история, с некоторыми изменениями, повторяется в Страницах из Осло, хотя они полны сомнений в истинности этой легенды. На текущий момент я считаю, что Николас может быть прав и что Страницы из Осло написаны тем же автором, что и найденные вами записки из Праги. Если в тех византийских рукописях действительно представлена попытка записать подлинную историю Вентру, можно предположить, что они составлены рукой автора Пражских записок и Книги монаха. Впрочем, не следует исключать возможности, что это один и тот же проект, который из века в век пытался завершить (сам или с помощью множества писарей) один и тот же Сородич.

В этом случае Страницы из Осло могут быть специальной уловкой, предпринятой для искажения истории Вентру (в интересах клана или в попытке его очернения?) или для изучения реакции на историческую мистификацию. Может оказаться и так, что текст был написан для возвеличивания местного Лорда или воздействия на воспоминания одного из старейшин. Я даже осмелюсь предположить, что кто-то может пытаться скрыть историю Вентру от нынешних членов клана, как это уже было в случае с Неннием (может быть, Анаксимандр хорошо понимает, что за ним ведётся погоня, а потому старается сбить преследователей со своего следа).

Тем не менее, для сохранности я зафиксировал основные моменты, не совпадающие с известными нам легендами. Эти сведения я планирую отослать в Рим.

– Имя Анаксимандра не упоминается до начала троянских событий

– В рукописях отсутствуют указания на присутствие Вентру в Дании, и не похоже, чтобы их удаляли... скорее всего, этих сведений просто нет

– В Иберии найдена ещё одна ссылка на Филипа (очередное имя Анаксимандра?), однако мне так и не удалось установить, прибыл ли он в эту местность и продолжал ли участвовать в дальнейшей переписке с местными Сородичами.

Повторюсь, что версия Николаса кажется мне достоверной: с большой вероятностью, Страницы из Осло лгут. Если Вентру действительно начали своё путешествие из северных стран, византийский Епископ об этом не знает. Также мне кажется, что Сородичи в Осло не знают об Анаксимандре, а потому его рукопись не заслуживает доверия. Тем не менее, он и сам может этого не знать. Если вам нравится такая версия, предположу, что он и вовсе родился двумя поколениями позже, а потому излагает в своих записках лишь слухи.

Ваш слуга,

Кристоф.

Понятия не имею, о каких “Карфагенских рукописях” идёт речь, однако, быть может, он имел в виду Элису? Эти Пражские записки напоминают по содержанию текст, с которым работал Никодем – как думаете, могли он и быть написаны тем же автором, который собирал о нас сведения в Будапеште? Много из того, что известно нам, соответствует содержанию этих записок.

Предтечи Вентру

Первые Вентру были тайными владыками великого города Трои. Они зародились в тёмные, доисторические времена, чтобы стать малыми божествами, лики которых едва проступали за плечами легендарных королей древности.

Они жили среди людей, почитаемые как лары (домашние боги) и мары (тени любимых предков, оставшиеся на земле). Однако, пусть смертные и относились к ним как к богам или призракам, они были наполнены неувядающей плотью и кровью – подобно нам с вами.

Троянские Вентру покровительствовали судьбам и благополучию своих смертных родственников, не распространяя своё внимание на город в целом. Были свои лары и у величайших семей Илиона. На протяжении многих поколений лары вели людей к процветанию и победам. Хотя в те древние ночи они были скорее советниками и хранителями семейных традиций, чем настоящими повелителями, уже тогда они привыкли к ореолу избранности. Они были троянцами – но троянцами, вернувшимися из царства Гадеса.

Если верить легендам, сохранившимся с тех времён, лары не были вампирами в том смысле, который мы вкладываем в это слово сегодня. Они пили кровь и боялись солнца, однако существуют прямые указания на то, что они не боялись пламени и не боролись со Зверем в своей душе. Всё это пришло позже, с проклятиями и гневом богов. Но для этого должен был появиться тот, кому было суждено навлечь на себя этот гнев.

Им стал великий герой Илиона, истинный сын своего народа – Эней.

Эней, сын Венеры, Первый царь Вентру

Эней не был вампиром. Его отец Анхиз был князем Дардании и двоюродным братом царя Приама. Матерью же ему приходилась богиня Венера.

Всё, что мы знаем об Энее, появилось на свет отнюдь не случайно. От бегства из Трои до смерти на итальянских берегах – всё это было предначертано богами, и всё это не могло не повлиять на людей, пошедших за самим Энеем. А среди них были мы. Мы, Вентру. Наши судьбы связаны с его древними поисками нового царства. Мы можем видеть в этой истории лишь аллереорию, но и в этом случае она касается наших собственных судеб.

Откуда мы знаем все эти мифы? По счастью, сказания об Энее начали слагать уже вскоре после его смерти. И разумеется, нигде Эней не был воспет больше, чем в поэме Вергилия “Энеида”, которую талантливому стихотворцу поручил написать сам император Август Цезарь.

Просто к слову: по мере того как я говорил со старейшинами и экспертами, о которых речь пойдёт ниже, я всё чаще слышал легенду о том, что Вергилий не умер, а был Обращён в римском некрополе. Теоретически это означает, что он должен быть Мёртвым Юлием, хотя, если это так, мы должны были бы услышать о нём – за две-то тысячи лет! Правда, трое или четверо из моих собеседников утверждали, что его убили за долго до нашего с вами рождения.

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои –
Роком ведомый беглец – к берегам приплыл Лавинийским.
Долго его по морям и далеким землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
Долго и войны он вёл, – до того, как, город построив,
В Лаций богов перенес, где возникло племя латинян,
Города Альбы отцы и стены высокого Рима.
Муза, поведай о том, по какой оскорбилась причине
Так царица богов, что муж, благочестием славный,
Столько по воле ее претерпел превратностей горьких,

Столько трудов. Неужель небожителей гнев так упорен?
Вергилий, “Энеида”.

Стихи Вергилия полны намёков на проклятие троянских ларов, как и на их разделение на Вентру и Юлиев (“Энеида” ещё послужит нам хорошим источником для “Саги о Вентру”, однако об этом мы будем говорить позже). Несмотря на витиеватость формулировок, Вергилий настолько близок к отражению историй, которые я слышал и от других старейшин, что кажется очевидным, что он имел доступ к нашим легендам или сам приходился Энею потомком. Тем не менее, у него были и другие источники – в частности, более “земного” характера.

Несомненно, самым ранним трудом, на который мог ссылаться Вергилий помимо рассказов первых Сородичей, была “Илиада”. Гомер практически ничего не упоминает из действий, приведших к проклятию и бегству Энея, однако уже в его стихах видна доблесть троянского героя.

Вот что Гомер рассказывает в “Илиаде”:

Медным копьем побивать крепкодушных троян и лелегов.
Нет, никогда человек с Ахиллесом не может сражаться:
С ним божество неотступно, и гибель оно отражает.
Дрот из руки Ахиллесовой прямо летит и не слабнет
Прежде, чем крови врага не напьется. Но, если бессмертный
В битве присудит нам равный конец, не легко и Энея
Он одолеет, хотя и гордится, что весь он из меди!"

Сыну Анхизову вновь провещал Аполлон дальновержец:
"Храбрый! почто ж и тебе не молиться богам вековечным,
Столько ж могущим! И ты, говорят, громовержца Зевеса
Дщерью Кипридой рожден, а Пелид сей - богинею низшей:
Та от Зевеса исходит, Фетида - от старца морского.
Стань на него с некрушимою медью; отнюдь не смущайся,
Встреться с Пелидом, ни шумною речью, ни гордой угрозой!"

Рек – и бесстрашного духа исполнил владыку народов:
Он устремился вперед, ополченный сверкающей медью.
Но не укрылся герой от лилейнораменныя Геры,
Против Пелеева сына идущий сквозь толпища ратных.
Быстро созвавши богов, златотронная Гера вещала:
"Царь Посейдон и Афина Паллада, размыслите, боги,
Разумом вашим размыслите, что из деяний сих будет?
Видите ль, гордый Эней, ополченный сияющей медью,
Против Пелида идет: наустил его Феб стреловержец.
Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь нам
Сына Анхизова: или единый из нас да предстанет
Сыну Пелея и силой исполнит, да в крепости духа
Он не скудеет и чувствует сам, что его, браноносца,
Любят сильнейшие боги; а те, что издавна доныне
Трои сынам поборают в сей брани жестокой,- бессильны!
Все мы оставили небо, желая присутствовать сами
В брани, да он от троян ничего не претерпит сегодня;
После претерпит он все, что ему непреклонная Участь
С первого дня, как рождался от матери, выпряла с нитью.
Если того из глагола богов Ахиллес не познает,

Он устрашится, когда на него кто-нибудь от бессмертных
Станет в сражении: боги ужасны, явившись взорам".

Гере немедля отвечивал мощный земли колебатель:
"Так безрассудно свирепствовать, Гера, тебя недостойно!
Я не желаю бессмертных сводить на неравную битву,
Нас и других здесь присутственных; мы их могуществом выше.
Лучше, когда, совокупно сошед мы с пути боевого,
Сядем на холме подзорном, а брань человекам оставим.
Если ж Арей нападение начнет или Феб луконосец,
Если препятствовать станут Пелееву сыну сражаться,
Там же немедля и мы сопротивникам битву воздвигнем,
Битву ужасную: скоро, надеюсь, они, разойдяся,
Вспять отойдут на Олимп и сокроются в сонме бессмертных,
Наших десниц, против воли своей, укрощенные силой"

Так говоря, пред Афиною шествовал царь черновласый
К валу тому насыпному Геракла, подобного богу,
В поле; который герою троянские мужи с Афиной
Древле воздвигли, чтоб он от огромного кита спасался,
Если ужасный за ним устремлялся от берега в поле.
Там Посейдон черновласый и прочие боги воссели.
Окрест рамен распростершие непроницаемый облак;
Боги другие напротив, по калликолонским вершинам,
Окрест тебя, Аполлон, и громителя твердей Арея.
Так на обеих странах небожители-боги сидели,
Думая думы; печальную брань начинать олимпийцы
Медлили те и другие; но Зевс от небес возбуждал их.

Ратями поле наполнилось все, засияло от меди
Боев, коней, колесниц; задрожала земля под стопами
Толп, устремлявшихся к бою; но два знаменитые мужа
Войск обоих на среду выходили, пылая сразиться,
Славный Эней Анхизид и Пелид Ахиллес благородный.
Первый Эней выступал, угрожающий; страшно качался
Тяжкий шолом на главе Анхизидовой; щит легкометный
Он перед грудью держал и копьем потрясал длиннотенным.
Против него Ахиллес устремился, как лев истребитель.

Роль Энея в Троянской войне может показаться невелика, но лишь с точки зрения ранних свершений. Его настоящая эпопея начинается только тогда, когда стены и башни Трои обрушиваются под натиском окаянных данайцев.

Сама мысль о том, что среди троянцев есть полубог – сын Венеры, – который выступает против Ахиллеса, показалась оскорбительной великой Юноне. Выступая против ахейцев и данайцев, Эней тем самым становится врагом Юноны. И она об этом не забывает – как будет видно из “Энеиды”, даже спустя многие годы. Юнона мучает Энея на протяжении всей своей жизни. Она гонится за ним из Трои в Италию. Она отравляет его жизнь предательствами и ложью. Её гнев ненасытен.

А это находит своё отражение в проклятии Энея, которое удивительно напоминает проклятие Сородичей. Посмотрите. Вергилий изобразил Энея как человека, отличающегося разумом и благочестием. Гомер описал его в традиционной роли воина, наполненного всепоглощающей яростью и негодованием. Вместе они создают

противостоящие начала Человека и Зверя. Они описывают битву разума против натиска ярости. Цивилизованность ларов сталкивается с гневом Юноны.

Вот как поведение Энея описано у Гомера:.

Первый Эней выступал, угрожающий; страшно качался
Тяжкий шолом на главе Анхизидовой; щит легкометный
Он перед грудью держал и копьем потрясал длиннотенным.
Против него Ахиллес устремился, как лев истребитель,
Коего мужи-селяне решася убить непременно,
Сходятся, весь их народ; и сначала он, всех презирая,
Прямо идет; но едва его дротиком юноша смелый
Ранит,- напучась он к скоку, зияет; вокруг страшного зева
Пена клубится; в груди его стонет могучее сердце;
Гневно косматым хвостом по своим он бокам и по бедрам
Хлещет кругом и себя самого подстрекает на битву;
Взором сверкает и вдруг, увлеченный свирепством, несется
Или стрельца растерзать, или в толпище первым погибнуть,-
Так поощряла Пелида и сила и мужество сердца
Противостать возвышенному духом Энею герою.
Чуть сосупились они, устремляясь друг против друга,
Первый к нему взговорил Ахиллес, бессмертным подобный:
"Что ты, Эней, на такое пространство отшедши от рати,
Стал? Не душа ли тебя сразиться со мной увлекает
В гордой надежде, что ты над троянами царствовать будешь,
Чести Приама наследник? Но, если б меня и сразил ты,
Верно, Приам не тебе свое достояние вверит.
Есть у него сыновья; и в намереньях тверд он, незыбок.
*Или троянцы тебе обещают удел знаменитый,
Лучшее поле для стада и пашен, чтоб им обладал ты,
Если меня одолеешь? Тяжел, я надеюсь, подвиг!* ***

***** Очевидный намёк на дары, которые троянцы приносили своим ларам.**

Ты уж и прежде, я помню, бежал пред моим Пелиасом.
Или забыл, как, тебя одного изловив я у стада,
Гнал по Идейским горам, и с какой от меня быстротою
Ты убегал? И назад оглянуться не смел ты, бегущий!
С гор убежал ты и в стены Лирнесса укрылся; но в прах я
Град сей рассыпал, ударив с Афиной и Зевсом Кронидом;
Множество жен полонил и, лишив их жизни свободной,
В рабство увлек; а тебя от гибели спас громовержец.
Ныне тебя не спасет он, надеюсь, как ты полагаешь
В сердце своем! Но прими мой совет и отсюда скорее
Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
Горе еще не сбылось: событие зрит и безумный!"

Но Эней знаменитый отвечивал так Ахиллесу:
"Сын Пелеев! напрасно меня, как младенца, словами
Ты застращать уповаешь: так же легко и свободно
Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
Знаем взаимно мы род и наших родителей знаем,
Сами сказания давние слыша из уст человеков;

Но в лицо, как моих ты, равно и твоих я не ведал.
Ты, говорят, благородного мужа Пелея рожденье;
Мать - Фетида тебе, лепокудрая нимфа морская.
Я же единственным сыном высокого духом Анхиза
Славлюсь быть; а мать моя Афродита богиня.
Те иль другие должны неизбежно сегодня оплакать
Сына любезного: ибо не мню я, чтоб детские речи
Нас развели и чтоб с бранного поля мы так разошлись.
Если ж ты хочешь, скажу я тебе и об роде, чтоб знал ты
Наш знаменитый род: человекам он многим известен.
Нашего предка Дардана Зевс породил громовержец:
Он основатель Дардании; сей Илион знаменитый
В поле еще не стоял, ясновечных народов обитель;
Жили еще на погорях Иды, водами обильной.
*Славный Дардан Эрихфония сына родил, скиptronосца,
Мужа, который меж смертных властителей был богатейший:
Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося,
Тучных, молодых кобылиц, жеребятами резвыми гордых ***.*

***** Обратите внимание на связь между предполагаемым богатством и количеством животных. Мало кто из современных Вентру помнит об этом, однако среди ключевых архетипов нашего клана долгое время было правление всей окрестной природой.**

К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;
Многих из них посещал, набегая конем черногривым;
Все понесли, и двенадцать коней от Борея родили.
Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
Выше земли, сверх колосьев носились, стебля не смявши;
Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
Выше веды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.
Царь Эрихфоний родил властелина могучего Троса;
Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителям равный.
Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!
Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,
Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.
Илом почтенным рожден непорочный душой Лаомедон;
Царь Лаомедон родил знаменитых: Тифона, Приама,
Клития, Лампа и отрасль Арееву, Гикетаона.
Капис, ветвь Ассарака, родил властелина Анхиза;
Я от Анхиза рожден, от Приама - божественный Гектор.
*Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалясь!
Доблесть же смертных властительный Зевс и величит и малит,
Как соизволит провидец: зане он единый всесилен ***.*

***** Лары не верили, что богатство и силу можно было унаследовать? Вот бы современные Вентру усвоили этот урок!**

Но довольно о сем; разговаривать больше, как дети,
Стоя уже на середине гремящего боя, не будем.
Нам обоим легко наказать оскорблений взаимных

Столько, что тяжести их не подымет корабль стоскамейный,
Гибок язык человека; речей для него избыточно
Всяких; поле для слов и сюда и туда беспредельно.
Что человеку измолвишь, то от него и услышишь.
Но к чему нам послужат хулы и обидные речи,
Коими, стоя, друг друга в лицо мы ругаем, как жены.
Жены одни, расплавшись злостью, сердце грызущей,
Шумно ругаются между собою, на улицу вышед;
Правду и ложь расточают; гнев до чего не доводит!
Ты от желанного боя словами меня не отклонишь,
Прежде чем медью со мной не сразишься. Начнем и скорее
Силы один у другого на острых изведем копьях!"

Рек он - и медною пикою в щит и чудесный и страшный
Мощно ударил, - и весь он, огромный, взревел под ударом.
Быстро Пелид и далеко рукою дебелой от персей
Щит отклонил устрасая; он думал, что дрот длиннотенный
Может пробиться легко, устремленный могучим Энеем:
Он, неразумный, о том ни душой, ни умом не размыслил,
Что не может легко небожителей дар благородный
Смертным мужам уступать, ни могучеством их сокрушаться.
Пущенный сильным Энеем щита досточудного бурный
Дрот не пробил, обессиленный златом, божественным даром.
Две полосы просадил он; но три их еще оставалось;
Пять в нем полос сочетал хромоногий художник небесный:
Две для поверхности медяных, две оловянных в середине
*И одну золотую: она-то копье удержала ****

***** Возможно, я слишком глубоко копаю, но не поэтому ли в более поздней литературе о Вентру нашу устойчивость к повреждениям иногда называют “пятислойным щитом”?**

После герой Ахиллес послал длиннотенную пику
И ударил противника в щит его выпуклобляшный,
Около обода, где и тончайшая медь оббегала,
Где и тончайшая кожа лежала воловья: насквозь их
Ясень прорвал пелионский; весь щит затрещал под ударом.
Сгорбясь, прикинул Эней и стремительно щит над собою
В страхе поднял; и копье, засвистев у него над спиною,
Стало, вонзившись в землю, насквозь прохватившее оба
Плотные круги щита. Ускользнув от убийственной меди,
Стал Анхизид, и в очах его черная мгла разлилася
С ужаса, как недалеко от смерти он был. Ахиллес же
Пламенный, крикнувши страшно и выхватив меч изо щренны
Бросился; но сопротивник рукой подхватил уже камень,
Страшное дело, какого не подняли б два человека,
Ныне живущих; а он и один им размахивал быстро.
Тут Ахиллеса напавшего - камнем Эней поразил бы
В шлем или в щит, но они от него отразили бы гибель;
Сын же Пелеев мечом у Энея исторгнул бы душу,
Если б того не узрел Посейдон, потрясающий землю.
Быстро к бессмертным богам устремил он крылатое слово:

"Боги! печаль у меня о возвышенном духом Энее!
Скоро герой, Ахиллесом сраженный, сойдёт к Аидесу,
*Ложных советов послушав царя Аполлона ****, который
Сам, безрассудный, его не избавит от гибели грозной.

***** Ранняя отсылка к нашим отношениям с солнцем?**

Но за что же теперь, неповинный, он бедствовать будет?
Казнь понесет за вины чужие? Приятные жертвы
Часто приносит богам он, на небе великом живущим.
Боги, решимся и сами его из-под смерти исторгнем.
Может, и Зевс раздражится, когда Ахиллес у Энея
Жизнь пресечёт: *предназначено роком Энею спастися,*
Чтобы бесчадный, пресёкшийся род не погибнул Дардана,
Смертного, Зевсу любезного более всех человеков,
*Кох от крови его породили смертные жены ***.*

***** Всё верно. По легендам первых Вентру, нашему роду самой судьбой суждено вернуть себе былое величие и обрести новый дом.**

Род бо Приама владыки давно ненавидит Кронион.
Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться".

Быстро ему отвечала богиня верховная Гера:
"Землю колеблющий, собственным разумом сам размышляй ты,
Должно ль избавить тебе иль оставить троянца Энея
Пасть под рукой Ахиллеса великого, как он ни славен.
Мы, Посейдаон, богини, и я и Паллада Афина,
Тысячу крат перед всеми бессмертными клятвой клялися
Трои сынов никогда не спасать от грозящей напасти,
Даже когда Илион пожирающим пламенем бурным
Весь запылает, зажженный светочьми храбрых данаев".

Геры услышавши речь, Посейдаон, земли колебатель,
Встал, устремился сквозь шумную битву и трескот оружия
К месту, где храбрый Эней и герой Ахиллес подвизались.
Быстро, как бог, разлил он ужасную тьму пред очами
Сына Пелеева; ясень пелийский, сияющий медью,
Вырвавши сам из щита у высокого духом Энея,
Тихо его положил близ Пелидовых ног, а Энея
Мощной рукою поднял от земли и по воздуху бросил:
Многие толпища воинов, многие толпища коней
Быстро Эней перепрыгнул, рукой божества устремленный.
Он долетел до пределов кипящего битвою поля,
Где ополченья кавконов готовились двинуться в сечу.
Там Анхизиду предстал Посейдаон, колеблющий землю,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
"Кто из бессмертных, Эней, тебя ослепил и подвигнул
С сыном Пелеевым бурным сражаться и мериться боем?
Он и сильнее тебя, и любезнее жителям неба.
С ним и вперед повстречавшись, вспять отступай перед грозным;

Или, судьбе вопреки, низойдешь ты в обитель Аида.
После, когда Ахиллес рокового предела достигнет,-
Смело геройствуй, Эней, и в рядах первоборных сражайся
Ибо другой из ахейян с тебя не похитит корыстей".

Так Посейдон заповедав, на месте оставил Энея.
В то же мгновение бог от очей Ахиллеса рассеял
Облак чудесный; и, ясно прозрев, он кругом оглянулся,
Гневно вздохнул и вещал к своему благородному сердцу:
"Боги! великое чудо моими очами я вижу:
Дрот предо мною лежит на земле; но не зрю человека,
Против которого бросил, которого свергнуть пылал я!

Эней и наше проклятие

Я не призываю вас верить каждому слову античных текстов. Стихи "Илиады" и "Энеиды" воспринимались как аллегории даже многими смертными – что уж говорить о Сородичах! Однако авторы вкладывали в эти аллегории своё личное видение истории. И если верить определённым теориям, они делали это не без влияния нашего клана. Так что же предшественники современных Вентру хотели, чтобы мы поняли из этих историй?

Во-первых, теперь мы знаем, что до падения Трои вампиров почитали как младших богов и любимых духов. Сегодня же мы считаемся проклятыми чудовищами. У нас нет прежней силы. Мы должны прятаться и хитрить.

Во-вторых... впрочем, это займёт слишком много места, чтобы я смог изложить это в пределах одного-двух абзацев. Если позволите, здесь я поставлю точку и вместо этого приложу текст отдельного исследования, которое и ответит нам на вопрос, что на самом деле нам говорят "Илиада" и "Энеида".

Сага о Вентру

Так спой же, Муза, о семье, что бежала из дома родного,
Преследуемая ненавистью капризных богов. О семье, что
Обрела силу в своём поражении и поклялась никогда
Не сдаваться. Спой нам о пламени и слезах, о дыме и крови,
О боли и страсти – и о победах, которые будут сопровождать нас
На всём пути.

Если верить старейшинам нашего клана, эта история происходила между 1175-85 гг. до нашей эры (что сближает их теорию с археологическими оценками).

Всё началось с падения Трои. Нас сразили – и хотя уже тогда мы понимали, что пойдём на всё, только бы сделать это поражение единственным в своей вечной жизни, мы ничего не могли поделать с потерей самого города. Даже герой Эней в бессилии опустил щит и вынужден был бежать. Говорят, сама Венера повелела ему не отдавать свою жизнь попусту в бесплодной попытке отомстить ахейцам.

А потому Эней взял своего отца Анхиза, жену Креусу, и сына Аскания (который в некоторых историях от названия Илиона получает прозвище Иулий – напоминает о Юлиях, не так ли?) Ему повезло: многие лары сгорели в собственных домах, не получив даже шанса на спасение. Эней же воспользовался тайным ходом под дворцом и вышел за стены города.

Благочестивым зовусь я Энеем; спасённых пенатов
Я от врага увожу, до небес прославлен молвою.

Увы, незадолго до того, как Эней сумел вывести всех родных в безопасное место, где-то на задымлённых улицах Трои жена Энея, Креуса, отбилась от их отряда:

Даже голос подать я решился в сумраке ночи,
Улицы криком своим наполнил и скорбно Креусу
Снова и снова к себе призывал со стоном,- но тщетно.
Так я искал без конца, вне себя по городу рыскал;
Вдруг пред очами предстал печальный призрак Креусы:
Тень ее выше была, чем при жизни облик знакомый.
Тотчас я обомлел, и голос в горле пресекся.
Мне сказала она, облегчая заботы словами:
"Пользы много ли в том, что безумной предался ты скорби,
Милый супруг? Не без воли богов все это свершилось,
И не судьба тебе спутницей взять отсюда Креусу:
Не дал этого нам властитель бессмертный Олимпа!
Долго широкую гладь бороздить ты будешь в изгнание,
Прежде чем в землю придешь Гесперийскую, где тихоструйный
Тибр лидийский течет среди мужами возделанных пашен.
Ты счастливый удел, и царство себе, и супругу
Царского рода найдешь; так не плачь по Креусе любимой!
Мне не придется дворцы мирмидонян или долопов
Гордые видеть и быть у жен данайских рабыней.-
Внучке Дардана, невестке Венеры.
Здесь удержала меня богов Великая Матерь.
Ныне прощай и храни любовь нашу общую к сыну!"

Вообще, возникает мысль, что жизнь Креусы в качестве наказания забрала Юнона, не так ли?

Креуса простила Энея, но Юнона всё ещё таила на него злость. Она ненавидела его – а в сущности, нас – за то что мы нашли в себе силы покинуть город и начать поиски новой жизни вместо того, чтобы просто сгореть дотла в своих захваченных домах.

А потому, когда Эней, обливаясь слезами, добрался наконец до заветной лодки, Юнона поднялась со своего божественного престола и выкрикнула проклятие всему его роду:

Лары павшего города! Подобно троянцам, вынужденным искать себе дом на чужбине, теперь вы будете искать крови среди чужаков вместо того, чтобы получать подношения от любящих родственников. Бегите и знайте, что в один день моё проклятие нагонит вас. Вы никогда не познаете мира, и все ваши дети будут чудовищами.

Скитания

Мы бежали из Трои, воспользовавшись небольшими ладьями. Морское странствие тяжело далось всем сыновьям Илиона, однако для нас оно стало подлинным испытанием. Мы должны были прятаться от воды и солнца, а голод вынуждал нас питаться кровью ослабших людей, которые не хотели отдавать её сами.

Всякий раз, когда наши родственники останавливались, чтобы пополнить запасы воды, мы просили их задержаться, чтобы мы смогли поискать пищи в окрестных землях. Иногда они уплывали без нас, а порой мы сами предлагали им продолжать странствие, зная, что мы только мешаем им и подтачиваем их силы. Так лары гордого Илиона рассеялись по окрестным землям от Крита до Фракии. Ниже я прилагаю карту, показывающую самые вероятные пути нашего бегства из Трои (то есть пути миграции ларов, а не простых смертных).

Юнона не прекращала обрушивать свою ярость на нас, наших родственников и даже наши корабли, однако Нептун был к нам милостив. Возможно, богу морей и не было бы дела до нашей трагедии, если бы Юнона не досаждала ему попытками подтолкнуть его к потоплению нашего скромного флота. А потому он помог нам добраться до берегов Северной Африки, где высились стены великого Карфагена. Из всех несчастий, которые всё же застали нас в этой пути, действительно страшным была только смерть Анхиза – отца Энея. Для человека, только что потерявшего жену, город и даже титул, кончина отца стала горьким ударом судьбы.

По удивительному стечению обстоятельств, именно тогда ему суждено было обрести свою истинную любовь – царицу Дидона, правившую Карфагеном и недавно потерявшую своего супруга. Дидона, которую в некоторых источниках называют совершенно другим именем – Элисса – влюбилась в героя по воле его матери Венеры и предложила ему остаться у неё во дворце.

Несколько месяцев мы провели в Карфагене, начиная свыкаться с мыслью, что, возможно, берега Африки станут для нас новым домом. Тем не менее, большинство из нас – особенно среди ларов – помнили о словах Креусы, которая даже в смерти желала помочь супругу. Она говорила о землях, которые ждали нас по другую сторону моря.

Не всё спокойно было и в доме самой Дидоны:

Но однажды во сне ей [Дидоне] явился призрак супруга
Непогребенного. Лик, на диво бледный, подъемля,
Грудь пред ней обнажив пронзенную, всё ей открыл он
Про оскверненный алтарь, про убийство, скрытое в доме.
Призрак ее убедил скорей покинуть отчизну
И, чтобы бегству помочь, старинный клад указал ей -
Золото и серебро, в потайном зарытые месте.

Мужу послушна, жена для побега спутников ищет,-
Все, в ком страх был силен или ненависть злая к тирану,
Сходятся к ней.

Кто знает, не было ли у Дидоны собственных помощников и советников из числа Сородичей?

В конце концов главный среди ларов, покровительствовавший дому самого Гектора, попросил Энея выйти на берег моря и там произнёс такие слова:

Хотел бы я, чтобы ты никогда не высаживался на берегу Карфагена.
Хотел бы я, чтобы никогда не ступала на эту землю нога троянца.
Неужели не чувствуешь ты, что злой ветер всё ещё гонит тебя прочь
отсюда – в новые земли? Не слышишь зов синего моря?

Эней признал его правоту. Он вернулся к нам и сказал, что назавтра мы выступаем в море. Дидона сочла его решение предательством, но любовь её была столь сильна (как писал Овидий, “Корю его за предательство, но люблю его всей душой”), что она помогла ему в сборах и отпустила в неведомые края. Увы, сразу после этого она покончила с собой.

[...] пусть одно лишь напишут на камне моём погребальном:
 “Эней оставил ей повод для смерти и острый меч.
 Дидона воспользовалась и тем, и другим”.

Царство теней

По настоянию Энея мы высадились на берегах Сицилии, чтобы принести жертвы в память о мёртвом Анхизе. Ожидал он того или нет, ритуал открыл перед ним врата в царство теней, и он оставил нас, решив в одиночку спуститься в бессолнечное царство Аида. Мы были уверены, что он уже не вернётся, однако наш главный лар – тот самый, что служил дому Гектора – убедил нас, что судьба Энея ещё далеко от завершения.

Спустя долгие часы Эней выбрался к нам. “Я жив”, – сказал он. – “И я видел отца. Он показал мне сыновей, которым я дам жизнь на берегах Италии. Их будут звать Сильвий, Прокай, Капий, Нумитор и Ромул. Женой моей станет Лавиния. Она будет ждать меня в Лациуме”.

Вот и тот, кто навек прародителя спутником станет,
Ромул, рожденный в роду Ассарака от Марса и жрицы
Илии. Видишь, двойной на шлеме высится гребень?
Марс-родитель его отличил почетной приметой!

Лациум

Мы прибыли на итальянские берега, в местность, которая позже стала известна как Лациум. Там наш вождь действительно встретил Лавинию, и любовь с новой силой наполнила его сердце. Однако Юнона пришла от этого в ярость. Она заручилась поддержкой местного воина Турна – гордого предводителя рутулов, – царицы Аматы, которая не желала союза между Лавинией и чужеземцем, а также фурии по имени Алекто, к которой Юнона обратилась с такими словами:

"Ради меня потрудись, о дочь безбрачная Ночи,
Ради меня, чтобы честь и слава моя оставались
Неколебимы, чтоб царь обольщен энеадами не был,
Чтоб не достались им ни лаврентские пашни, ни дева.
Ты способна свести в поединке любящих братьев,
Дом наполнить враждой и бедой, чтобы в нем погребальный
Факел не гас, ты сотни имен принимаешь и сотни
Способов знаешь губить. Так найди в душе своей щедрой
Средство разрушить союз и посеять преступную распрю,
Пусть возжаждут войны и тотчас же схватят оружие".

Началась война, в которой участвовали не только смертные. Сильнейшие из ларов собрались в военный отряд, который мы называли Криптией, хотя из-за нашей боязни солнца и других слабостей мы лишь теряли одного лара за другим. Спустя долгие месяцы постоянной борьбы Эней, уставший от постоянных смертей, послал к Турну одного из своих друзей с приглашением решить всё одним поединком.

Турн согласился. Поединок был долгим, и дважды рутулы вмешивались в него вопреки всем договорённостям, видя, что даже их могучий вождь не в силах одолеть троянского героя.

В конечном счёте, несмотря на очевидное превосходство Энея, рутулы вступили в сражение с троянцами, и обоим вождям пришлось прервать свой поединок. В тот день сражение не привело ни к чему, кроме новых смертей. Однако царь Лациума, видя мудрость Энея, позвал его в свою палату и предложил ему новый план. Эней должен вызвать Турна на очередной поединок, однако вместо того чтобы убивать его, просто пленить его на глазах у обоих воинств.

У Вергилия эта встреча заканчивается следующими словами Энея:

Должен ли ждать я, пока соизволит Турн побежденный

В битву вступить и один на один сойдется со мною?
Здесь и начало, друзья, и конец войны нечестивой!
Факелы дайте: огнем мы принудим латинян к союзу".

Эней понимал, что Турн не согласится на новый поединок, если только не подтолкнуть его к отчаянным мерам. Поэтому Эней взял факелы и поджог Лациум, а его люди перебили несколько десятков горожан.

План не сработал: видя настойчивость чужеземца и понимая, что в конечном счёте он одолеет рутулов, Турн приказа своим людям бежать из этих земель. Даже царица Амата, долгое время поддерживавшая Юнону в войне с чужеземцем, пришла в отчаяние от трусости своего защитника и умерла, выкрикивая проклятия Юноне.

Вовремя узнав о плане Турна покинуть окрестности Лациума, Эней приказал своим войскам броситься наперерез его армии. Им удалось задержать войско рутулов, и тогда Эней снова вышел вперёд с предложением решить всё одним поединком.

Турн был вынужден согласиться. Снова началась схватка двоих вождий, и она была столь долгой, что сам Зевс (которого в этих землях позже станут звать Юпитером) в конечном счёте обратился к Юноне с приказом оставить великого троянца в покое.

Вергилий идёт в описании этого события дальше. В его поэме Юпитер спускается на поле боя: Эней видит его фигуру за своей спиной в отражении турнова щита.

Юпитер произносит такие слова:

Древнего имени пусть не меняет племя латинян;
Тевкрами ты не вели иль троянцами им называться,
Речь ли родную менять, в чужеземное ль платье рядится.
Лаций да будет всегда, и веками пусть царствует Альба,
Римский да будет народ италийской доблестью мощен.
Трои нет. Так дозволю, чтобы с ней даже имя исчезло".
Молвил с улыбкой в ответ людей и мира создатель:
"Вправду Сатурну ты дочь и сестра Юпитеру, если
Сердце твое бушует таким неистовым гневом!
Но позабуди и былую вражду, и напрасную ярость:
Просьбу исполню твою. Победенный, сдаюсь добровольно.
Пусть и нравы отцов, и язык сохраняют авзониды
С именем прежним своим. Пусть останутся в Лации тевкры,
Но растворятся среди них. Учрежу я обрядов священных
Чин, единый для всех, и свяжу народы наречьем.
Род в Авзонийской земле возникнет от смешанной крови,
Всех благочестьем своим превзойдет бессмертных и смертных
Этот народ и тебя почитать всех усерднее будет".
Тут, не перечая ему, укротила дух свой Юнона,
С неба сошла за супругом вослед и покинула тучи.

Юнона и преданная ей фурия Алекто покинули мир людей. Эней выбил меч из руки врага, и тот пал перед ним на колени, моля пощадить если не его, то его отца: "Избавь моего отца от участи старика, пережившего своего сына". Эней уже готов пощадить врага, когда замечает на нём пояс одного из ларов из нашей Криптии, которого Турн сразил в одной из прошлых сражений.

Эней восклицает:

"Ты ли, одетый в доспех, с убитого сорванный друга,
Ныне уйдешь от меня? Паллант моею рукою
Этот наносит удар, Паллант за злодейство взимает

Кровью пеню с тебя!" И, промолвив, меч погрузил он
С яростью в сердце врага, и объятые холодом смертным
Тело покинула жизнь и к теням отлетела со стоном.

Так заканчивается “Энеида”.

Эней и мы

Это исследование принадлежит неапольскому Лорду, который называет себя Сикеем. Замечу, что в своих рассуждениях он исходит из предположения, что Эней был потомком Ноя. После длительного изучения этого вопроса я обнаружил, что впервые это предположение было сделано ещё в Тёмные века христианскими богословами из числа простых смертных. Хотя это кажется частью типичной для того времени пропаганды, в ходе которой языческим героям приписывались библейские корни, в ходе составления этой книги я встретил двух разных Сородичей, которые не были связаны друг с другом, но с одинаковой убеждённостью говорили о родстве между Энеем и Ноем.

Любопытно, что среди Сородичей эту теорию впервые распространил вовсе не Вентру, а Епископ Мехет, который был весьма популярен в десятом веке, когда он выступал под именем Эдред. К слову, возможно, это тот же старейшина, который сегодня проповедует в Брайтоне на юге Англии.

Историю об Энее легко приписать к числу мифов, однако я бы не рекомендовал торопиться с подобными выводами. Мне лично известен Вентру, которого я встречал ещё в 1598 году и который считался известным историком нашего клана (вы можете знать его под псевдонимом Мецелий). Он утверждал, что его сиром был один из троянских ларов, а сам он встречал царицу Дидону, когда она ещё была жива. Тем не менее, по его словам, “Энеида” отражает лишь общую суть миграции троянских героев (и ларов), искажая при этом суть происходившего. Мецелий говорил, что Энея как одного конкретного героя не существовало, а вся “Энеида” была написана для Августа Цезаря в качестве художественной аллегории, в которой автор показывал, как тяготы правления могут изменить человека.

Слова Мецелия не лишены смысла. История Энея начинается с того, как он спасает жизни – и заканчивается тем, что он убивает врага, молящего о пощаде. В начале Эней предстаёт рассудительным и благочестивым героем – в конце он исполнен гнева и мстительности. В начале скромен и верен богам – в конце он ослеплён ненавистью и готов идти войной хоть против всего мира.

Эней воплощает образ правителя, наделённого добродетелями, которые постепенно меркнут за время его владычества. А это касается и нас, Вентру.

После Энея

Едва ли для кого-нибудь будет сюрпризом, что после победы над Турном Эней взял в жёны Лавинию и стал одним из первых правителей Лациума. А вот найти и тем более категоризировать информацию о дальнейшей судьбе троянцев и особенно ларов на итальянских берегах – задача поистине невыполнимая. Отыскать подобные сведения среди тех мифологизированных фрагментов, которые дожили до наших дней, не легче, чем составить подробную карту местности *ночью*, имея при себе только пару свечей.

Доподлинно (да и здесь со множеством исторических оговорок) известно лишь то, что сын Энея Асканий основал города Альба-Лонга к юго-востоку от будущего Рима. Известный по некоторым преданиям как Иулий – предположительно от названия родного города Илиона – Асканий впоследствии получил ещё более искажённое прозвище Юл, к которому, по всей видимости, обращались составили генеалогического древа династии Юлиев. Миф ли это – сейчас сказать трудно, однако эта теория не лишена права на существование. В конце концов, если клан Вентру пошёл от ларов, которые в своём изначальном виде *не были* идентичны нынешним представителям нашего рода, возможно,

Мёртвые Юлии в самом деле обязаны своим существованием тем же предкам – троянским ларам, – что и современные Лорды.

По менее достоверным легендам, вскоре после основания города у Аскания родился сын Сильвий, а у того – Брут. Говорят, затем Бруту суждено было убить собственного отца Сильвия, за что дед Асканий изгнал его из Альба-Лонги. Считается, что после этого Брут отправился в странствия по морям подобно своему прадеду Энею и прибыл на берега нынешней Британии, которые получили своё название именно в честь великого морехода Брута.

Сородичи рассказывают другую легенду. Внук Аскания действительно убил своего отца Сильвия, однако произошло это при других обстоятельствах. И звали его не Брут. Имя этого человека сегодня забыто – во многом намеренно. В какой-то момент его жизни он был Обращён ларом по имени Брут, а поскольку лары в тот период уже начали утрачивать ореол избранности и величия, Асканий счёл возможным отомстить Бруту за то, что он сделал с правнуком самого Энея. После того как ветер рассеял пепел Брута, Асканий изгнал всех потомков неугодного ему лара из своих земель. Эта участь не избежала и новообращённого внука Аскания.

Потомки Брута начали своё странствие по миру: судя по всему, они действовали единой котерией, которая называла себя именем своего убитого сира. Со временем эти Бруты добрались до Галлии, где разошлись по разным краям. Спустя ещё какое-то время их потомки перебрались из Галлии через море на берега Туманного Альбиона.

Конечно, представители других кланов не слишком торопятся признавать наши исторические права на эти края, однако я правда верю, что наследники Брута стали первыми Сородичами Британии. Таким образом, Британию можно вполне уверенно назвать одной из первых, если даже не первой истинной землёй Вентру.

Столетия тайн

В последующие века, которые – по самой близкой оценке, которую я могу дать – соответствуют всему первому тысячелетию до нашей эры, мы помогали тысячам мелких италийских правителей объединиться в державу, которая позже стала известна как Рим. Тем не менее, за свои старания мы получили вовсе не благодарность: вскоре после основания Рима в городе, а затем и по всей Республике, начали править Мёртвые Юлии. Эти заносчивые вампиры практически не замечали нашего присутствия, а когда мы обращались к ним с просьбами и предложениями, они отказывались иметь с нами дело, считая нас варварами и чудовищами.

Может быть, они были потомками местных вампиров и мстили за своих древних сиров всему троянскому роду? Или они забыли о нашем существовании, ослеплённые своими успехами в городах растущей римской цивилизации? Или, наконец, они просто не хотели делиться властью и потому даже не рассматривали вопрос о признании нашей династии как отдельного клана Сородичей?

Как бы то ни было, эта заносчивость и обрекла их на гибель. Когда Рим стали осаждать потомки фурии Алекто, которых римляне называли стрыгами, никто из Вентру не явился на помощь к Юлиям. Династия Аскания/Иулия/Юла пала. Троянцы остались жить.

Падение Камарильи, Меровинги и Каролинги

Возможно, вам будет удивительно узнать, как мало нам известно о падении Камарильи, однако достоверных источников информации об этом далёком периоде осталось едва ли не меньше, чем о зарождении самого клана Вентру.

Уверенно я могу сказать лишь одно: Камарилья распалась даже быстрее, чем Юлии в своей схватке со стрыгами, и эхо её падения раскатилось по всей Европе. Вентру это коснулось в куда меньшей степени. Мы практически не участвовали в деятельности этой организации, а потому её распад лишь открыл нам дополнительные возможности.

Веками мы помогали местным правителям обретать власть, после чего вставали у них за спинами. Так произошло с династией Меровингов, которую мы поддерживали до 751 года н. э., а когда Пиппин Короткий сверг последнего их короля, мы поддержали его как первого владыку династии Каролингов (хотя саму эту фамилию его династия получила после успехов его сына Карла Великого, о чём и пойдёт речь далее). Увы, после смерти Пиппина Короткого оба сына – Карл и Карломан – начали вражду за территорию вместо совместного правления. Трудно даже описать, в какой ужас эта война повергла членов тогда только зародившихся ковенантов Инквигтус и Ланцеа Санктум, которые за последние десятилетия привыкли к стабильному правлению.

Ситуацию исправили одновременно местные Вентру и сам Карл Великий. Видя, что один из сыновей – Карл – ведёт себя мудрее и дальновиднее, чем порывистый Карломан, Вентру оказали ему огромную поддержку в этой войне. После смерти Карломана в 771 году Карл стал единственным правителем франков, а спустя всего девять лет его уже называли Великим. В Рождество 800 года нашей эры его короновали как императора Священной Римской империи. Вентру, которые поддерживали его всё это время, не сразу поняли, в какой грандиозном событии они участвуют. Это стало понятно лишь спустя многие годы.

У ларов была Троя. У Юлиев – Рим. Теперь свою империю получили и Вентру.

Не буду спорить, не все Сородичи согласны с нашими притязаниями на единоличное правление династией Каролингов. Справедливым будет признать, что важную роль в становлении Карла Великого и его империи играли Сородичи всех кланов, однако с одной оговоркой: они должны были состоять в ковенантах Инквигтус и Ланцеа Санктум. Другие организации оказались только затронуты этими изменениями и не участвовали в формировании династии каролингов по-настоящему.

Впрочем, даже враги нашего клана не могут отрицать, что практически в каждом письме, сохранившемся с того периода, упоминается огромная роль Вентру как основных деятелей, стоявших за спиной Карла Великого, его потомков и даже некоторых предшественников.

Следующее тысячелетие

Священная Римская империя просуществовала – в той или иной форме – 1006 лет, пока племянник Марии Антуанетты Франц II не отказался от престола в 1806 году из-за разгромного поражения своей армии в Битве под Аустерлицем. За эту тысячу лет Вентру успели стать тайными правителями во многих городах и даже областях по всему миру, от Азии и России до обеих Америк.

Конечно, подобное расселение сделало наш клан менее сплочённым, и многие крупные деятели остаются попросту неизвестными в других частях света. Например, Вентру, заслуживший статус живой легенды в Париже, может быть совершенно незнаком нашим московским собратьям.

Кроме того, на протяжении этого тысячелетия мы потеряли многих своих друзей, сиров, лидеров и идеологов. Говорят, что в огнях Французской революции погибли практически все столичные Вентру – и возможно, они даже с самого начала были целью толпы. Однако мы выжили и не только обрели силу, но и перестали быть для других Сородичей незнакомым кланом скитальцев. Мы стали Лордами.

Кого-нибудь это может и удивить, но мало в каких документах сохранились факты о первых ночах, которые Вентру провели в Новом Свете. По всей видимости, это не случайно. Мало кому из Лордов нужно, чтобы коренные Сородичи нашли очередное письмо или дневник, в котором подробно бы излагались планы европейских Вентру по захвату индейских доменов.

Современность:

Мир связей

Многие из современных вампиров – где под эпитетом “современные” я понимаю тех, кто родился в пределах последних ста лет – привыкли жаловаться на разобщённость наших доменов. Они ошибаются и недооценивают единство, которого наша раса смогла добиться благодаря технологиям смертных. После двух тысяч лет непрерывных скитаний, из которых только вторая половина была отмечена по-настоящему крупными победами нашего клана, Лорды впервые получили возможность снова наладить связи друг с другом. Например, за последние несколько десятилетий – если даже не *лет* – американские Вентру впервые смогли получить весточку от своих сиров и учителей, оставшихся в Старом Свете. Раньше разрыв между доменами был практически непреодолим. Покидая Европу, мало кто мог рассчитывать на установление связи со своими знакомыми. Теперь это возможно.

И я не случайно говорю о связях между представителями *нашего* клана. Ни один правитель не может действовать в одиночку – это противоречило бы самому понятию *лидера* или *руководителя*. Мы, Лорды, уделяем куда больше внимания поддержанию отношений с друзьями, знакомыми, кровными родственниками, гулями или даже простыми смертными. Чем больше у нас этих связей, тем больше мы можем предложить своим партнёрам и подчинённым. Тени и Дикари, Призраки и Суккубы – все они ищут свои возможности победить в Пляске Смерти. Но мы уже обрели свой путь. Наш ключ к победе – это использование своих связей.

Цените богатства этого века.

Пусть город этот будет Троей,
И править им ты будешь,
В руках сжимая
Скипетр священный.
(Овидий, “Героиды”)

Об имени: Вентру

Мне трудно даже сосчитать, сколько раз за последние двести лет я слышал от разных Сородичей утверждение, что название нашего клана происходит от французского существительного, означающего “пузатый” или “обжора”. Предполагаю, что изначально подобное объяснение было обычной шуткой – однако сегодня меня всерьёз пытаются заверить в его достоверности.

Загвоздка состоит в том, что меня и моих друзей называли “Вентру” с самого Обращения, а пришлось оно на далёкую зиму 1574 года от Рождества Христова. Расхожее сейчас объяснение “Вентру – обжора” появилось в качестве шутки где-то в конце восемнадцатого столетия.

Скажу больше: в то время как некоторые называют меня стариком, мне довелось общаться с по-настоящему *древними* представителями нашей расы. И они признают, что слышали слово Вентру ещё в те ночи, когда их самих считали неонатами.

Дальше я опишу ключевые факты о том, откуда – по всей видимости – пошло наше имя. Тем не менее, как я только что и сказал, мы можем говорить лишь о том, что *кажется* достоверным. Слова напоминают животных. Они бродят по земле, и мы видим их, можем приласкать или приручить, но мы не знаем, когда они появились. Они рождаются и растут, стареют и умирают. Слова подобны животным в том, что они меняются.

Молодые Сородичи часто недооценивают сам феномен изменчивости названий. В частности, многие юные Вентру настаивают на том произношении своего кланового наименования, к которому привыкли сами. Однако за сотни лет жизни я слышал, как слово “Вентру” произносили десятками разных способов, и каждый из них считался в том или ином городе устоявшимся. Я, например, до сих пор не отвыкну называть себя *Вантру*. Кто-то называет нас *Венатрой*. И это – такие же полноценные названия нашего клана, как более-менее стереотипное *Вентру*.

И последнее, что я хотел бы упомянуть, прежде чем мы приступим. Ни одно слово – будь это название или обычное существительное – не может возникнуть в одночасье. Ни Брут, ни Эней, ни Асканий не собирал вокруг себя молодняк только чтобы сказать ему: “Отныне мы называем себя Вентру! Все поняли? Вентру. Расскажите остальным!”

Настоящее происхождение

Одно можно сказать уверенно: не похоже, чтобы у нас было какое-либо имя в двенадцатом столетии до нашей эры, когда мы только бежали из Трои. Безусловно, нас называли троянцами или хотя бы троянскими ларами, однако никто – включая нас самих – не давал нам какого-либо конкретного имени.

В то же время известно, что Сородичи, ушедшие на север с Брутом, в первом тысячелетии до нашей эры уже называли себя *Венами*. Судя по всему, сам корень “*вен*” обладал для них каким-то особым значением.

Нам известно лишь несколько возможных источников этого корня:

- Звукосочетание “*вен*” напоминает протоиндоевропейскую морфему “*уэн*”, означавшую одновременно “желать”, “бороться” и “побеждать”. Если угодно, можете интерпретировать самоназвание Вен как “Победители”.

- Это же звукосочетание напоминает о древнегреческом слове “*ванакс*”, а в более позднем варианте “*анакс*”, то есть “царь” (например, анаксами в оригинальном тексте “Илиады” называют одновременно Приама и Агамемнона).

- Если это ещё не очевидно, название Вен подозрительно напоминает имя Венеры – мифологической матери Энея. Кстати, у скандинавских Вентру это слово могло обладать связью с Ванадис – исходным именем Фрейи.

- Боги моря, плодородия и войны у скандинавов известны как *ванир* – вполне возможно, что его будущие викинги позаимствовали у Брутов, среди которых многие отправились в земли к северу от Рейна.

- Французский корень “*венир*” связан с глаголами, означающими “приходить” или “преодолевать расстояния”. Подумайте о такой трактовке этого имени: “Те, кто пришёл из Трои”. Хотя поначалу эта связь может показаться не слишком тесной, не стоит недооценивать лингвистический закон об упрощении языка. Со временем длинные фразы сокращаются, и остаются лишь самые важные слова, а затем и морфемы.

В любом случае, даже если я и ошибаюсь в своих аргументах, помните, что вы – не “обжоры” из позднефранцузской лексики. Вы потомки Венеры. Вы победители и цари. Вы Лорды. Вы Вентру.

Источники

У читателя наверняка возникнет вопрос о достоверности сведений, которые я изложил выше, как и той информации, на которую я опираюсь далее в своём исследовании. К вашим услугам – небольшой экскурс в мир историко-научных трудов, посвящённых нашему клану. Большинство из них мы получили через Никодема.

Византийские письма

Весьма известная среди наших исследователей коллекция рукописей, указов и других документов из личной переписки Епископа Византии. После падения Камарильи огромное количество текстов из Римского некрополя было спрятано в архивах под Константинополем в целях сохранения нашей культуры и знаний.

В последовавшие за этим бурные десятилетия перестановки власти документы из этого архива подверглись многократному переписыванию, что, конечно же, не могло не сказаться на достоверности приведённых в них сведений. В последующие века архив распадался ещё сильнее. В конечном счёте Константинопольский архив (а ныне “Стамбульская библиотека”) превратился в неполную и неорганизованную коллекцию документов – но всё-таки он остаётся настоящей сокровищницей по сравнению с локальными архивами, которыми пользуются Вентру в большинстве городов мира – где они, говоря откровенно, вообще редко задаются вопросом, откуда пошёл их клан.

Неудивительно, что некоторые Вентру посылают в Стамбул своих гулей или доверенных Теней с поручением узнать больше об их предках или о Мёртвых Юлиях.

Пражские записки

Пражские записки можно по праву назвать *бесценным* источником информации о генеалогии европейских Вентру. Конечно, “пражскими” они стали только по месту собрания – писали их и в других частях Евразийского континента. Долгое время они находились в личной коллекции одного-двух Лордов, однако в годы Второй мировой Прага подверглась многократному разграблению, в ходе которого некоторым искателям сокровищ удалось наткнуться и на давно забытые Пражские письма.

Библиотека Нового Орлеана

Пожалуй, нигде мне не удалось найти более подробной и организованной коллекции сведений о нашем клане, чем в библиотеке Нового Орлеана. Для сохранения этих сведений в городе выделена целая должность Архивариуса. По его словам, в библиотеку входят документы, датируемые ещё шестнадцатым веком. Жаль, что Князь Нового Орлеана приказал удалить из библиотеки сведения о генеалогии отдельных Сородичей своего домена – однако по большей части это место остаётся для меня главной отправной точкой для изучения нашего клана.

Лондонские бумаги

Ещё один архив, найденный посреди хаоса Второй мировой. Примечательно, что изначально его собрал не Сородич, и смертный маг, использовавший всевозможные обереги для спасения документов во время войны. Что стало с магом, мне неизвестно. Сегодня этой библиотекой под Ноттинг-Хиллом заведует странный дуэт из леди и джентльмена, сущность которых остаётся для меня загадкой. Они не принадлежат к нашей расе, хотя и испытывают к ней подозрительный интерес.

Сама информация, содержащаяся в библиотеке, носит весьма поверхностный характер. Мне удалось найти всего несколько интересных фактов, которые я не видел в других архивах (и я не уверен, что мне следует публиковать эти факты, если я не хочу навлечь на себя гнев Инвиктус по всему миру). Однако большая часть документов в этой библиотеке представлена эклектичным собранием самых общеизвестных фактов о нашем роде.

Корнуольская книга

Этот документ также известен как “Брут из рода Венов”. Разделённый на две объёмные части, он повествует о предполагаемой роли Вентру в становлении современной Британии. Книга чересчур явно смешивает мифологию и историю, однако представляет огромный интерес для тех, кому хочется погрузиться в эстетику средневековых доменов Вентру. В частности, необычен язык составителей этого текста. Например, Вентру они повсеместно называют Венами, а Сородичей – ревенантами.

Дети Энея

Эта древнейшая рукопись сохранилась только частично. Писали её ещё во время Августа Цезаря при живых Юлиях, и судя по ней, император повелел Вергилию приписать происхождение его династии от Энея не ради собственного прославления (как считают смертные), а ради повышения авторитета самих Юлиев.

Несколько страниц об Эфесе

К моему сожалению, “название” этого документа полностью соответствует содержанию. О роли древнего Эфеса в истории нашего клана сохранились несколько страниц, да и те находятся в весьма плачевном состоянии. Я сумел получить эти тексты благодаря Никодему. Из интересного могу отметить, что в 537 г. в этом городе правил Князь Вентру – и это тогда, когда наш клан только начинал обретать подобие авторитета среди Сородичей.

Монмутские переводы

Я нашёл эти документы на юго-востоке Уэльса. По большей части, они подтверждают историю Вентру, какой мы с вами её знаем (и какой описываем в этой книге). Тем не менее, они ссылаются на большое количество “признанных текстов о Вентру”, ни один из которых не дожил до наших дней. Что сказать – жаль.

Завет Малкавиан

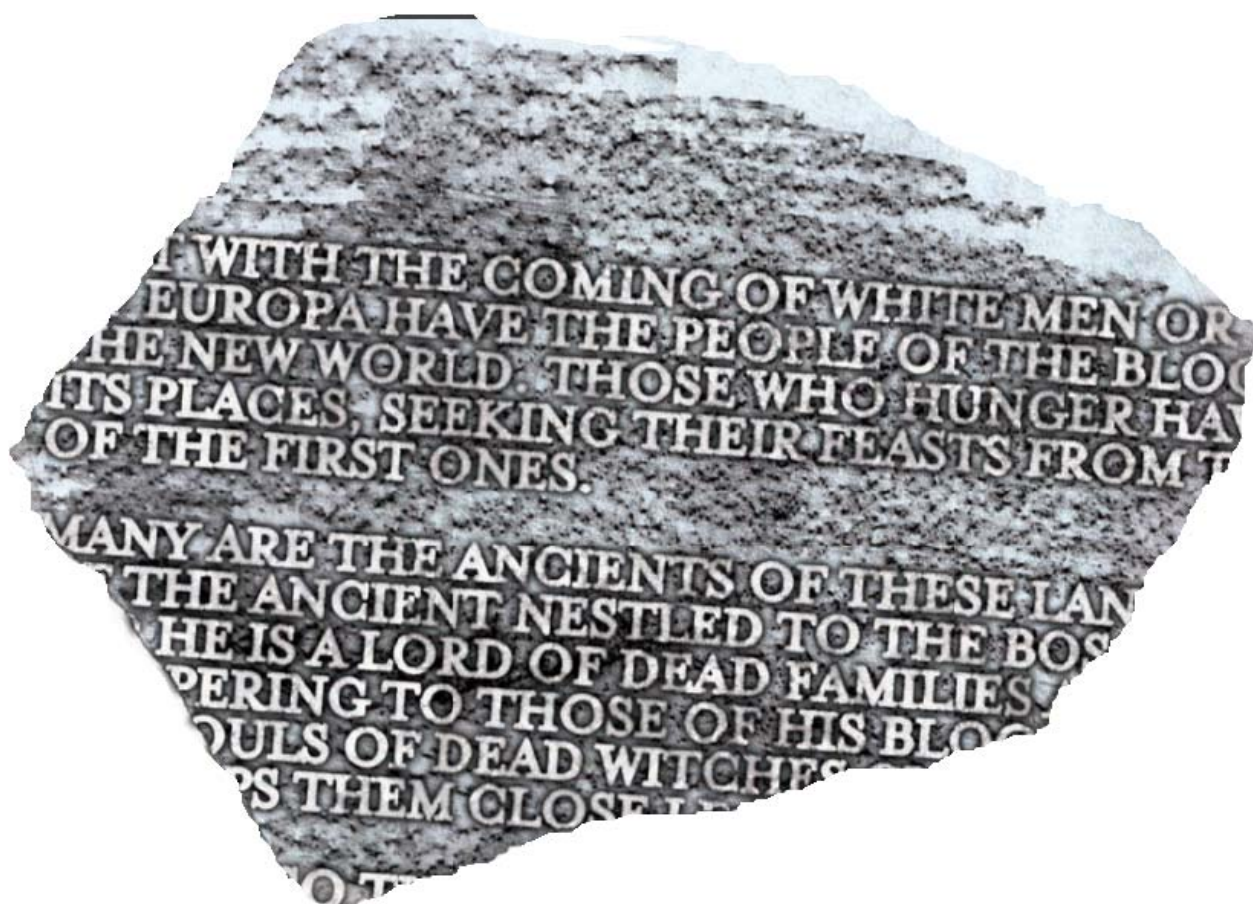
Завет Малкавиан, или *Кодекс Малкавия*, состоит из записей целой плеяды авторов, заражённых Недугом. Судя по всему, текст начал составляться лишь в самом конце девятнадцатого столетия. С точки зрения содержания он представляет собой труды разных авторов, каждый из которых, однако, использует почти одни и те же образы, а порой даже обороты. Когда читаешь эту книгу, складывается впечатление, будто ты заглядываешь в коллективное сознание всех Заражённых. Удивительно.

Вашингтонский камень

Речь не о монументе – этот камень, датируемый примерно 1858 г., принадлежит одному из старейшин города. Лично мне он напоминает мемориальную надпись. Интереснее всего не его содержание (которое нам ещё только предстоит расшифровать), а его история. Упомянутый выше старейшина получил камень от неизвестного отправителя. Он утверждает, что не имеет ни малейшего представления о том, кто его принёс на его территорию и, что ещё важнее, зачем.

Судя по сохранившейся надписи, где-то под Вашингтоном спят древние вампиры, внемлющие каким-то загадочным “шёпотам” наверху. Со временем они должны проснуться, и этот момент призван знаменовать какую-то веху в истории вашингтонских Сородичей. Относитесь к этому как хотите.

Вот эта надпись.

Осколок вашингтонского камня. Очевидно, есть и другие части — это лишь те, которые мне удалось достать через своих агентов.

Рукопись Грэма

Рукопись Грэма попала в руки Сородичей в результате события, которое легко могло изменить мир. В 1912 году некто Уилфрид Войних купил часть архива из Римской коллегии. Среди документов он нашёл книгу, которая впоследствии оказалась дневником одного из древнейших Вентру в истории. Этот Лорд утверждает, что его Обратили в 118 году нашей эры, хотя за составление дневника он сел только в 1640 г., когда готовился к чрезвычайно долгому торпору.

Когда по прибытии в родной Лондон Войних начал рассказывать окружающим о своей находке, его быстро вычислил местный Лорд по имени Грэм (фамилия нам неизвестна). Он полностью изменил воспоминания Грэма в отношении этой книги. Сегодня рукопись хранится у него.

О Никодеме (и сплетнях)

Письма, эмейлы, курьеры, кассеты, курьеры, изображения и даже адреса вампиров, с которыми следует поговорить – почти всё это я получил от Никодема. Я никогда не встречал такого Сородича, и в каком-то смысле меня это беспокоит. Я не могу доверять тому, что делится со мной такой массой сведений. Более того, зачем он вообще раскопал всю эту информацию? Что он искал?

Если вы скажете, что доверяете ему, я продолжу контакт с Никодемом, но в глубине души я жду от него какого-нибудь неприятного сюрприза.

P.S.: Ах да, ещё кое-что. Не торопитесь верить различным слухам и сплетням. Некоторые из них приводят к любопытным открытиям, но по большей части, сплетня есть сплетня. Например, далее вам предстоит ознакомиться записью моей встречи с Крысиным королём. Тем не менее, когда вы впервые попросили меня встретиться с этим легендарным Сородичем, моим агентам пришлось объездить почти два десятка доменов, в которых якобы действовал этот Крысиный король. В некоторых городах они даже встречали Сородичей, утверждавших, что они и есть “те самые” короли. Так что к моменту встречи с настоящим обладателем этого титула я уже практически не верил, что Крысиный король существует хотя бы в одном домене этого мира.

У. Т.

Записки мёртвой девочки, часть I

Хотите знать, как это выглядит? Вот как это выглядит. Это тюрьма – или клетка, – хотя проживавшие здесь люди называли её своим домом. Они прятались в этих узких проходах и комнатухах, то и дело натыкаясь друг на друга, как тараканы.

Хардейкен сказал мне не трогать тело, которое мы нашли, но сфотографировать надпись, оставленную на стене. Сначала мне показалось, что надпись нанесена кровью (чем же ещё?), но Хардейкен поправил меня, что это дерьмо. Ладно, наслаждайтесь.

Надпись гласит: “Седьмой умер! Да здравствует седьмой!” Не то чтобы это имело какой-то смысл.

Ах да, ещё мы нашли записку. В ней смысла не больше, зато есть хотя бы несколько строк. Вот она:

“Кассий всё знает. Он знает, что скрыто в крови этих смертных. Мы, Бану Квази, юные девушка Валенсии, всё ещё делаем свой выбор: участие или изгнание! Поддайтесь или окажетесь на солнце! Я люблю тебя, папа. Скучаю”.

Глава вторая: Культура Лордов

Имена владык

Сына Энея звали Асканием – но ещё он был Юлом или Иулием. Первый владыка Священной Римской империи называл себя Карлом, но он же был Карлом Магном, Шарлем Великим и Шарлеманем.

Никто из Сородичей не почитает традицию выбора имени так, как потомка Энея и Брута. Мы знаем, что имя подчёркивает репутацию и защищает нас от нарушения Маскарада. Многие Лорды получают новые имена после того, как становятся членами Примогена или Князьями. Другие сменяют имена с возрастом, при переходе от статуса неоната к служителю и от служителя – к старейшине.

Некоторые даже пользуются этим для того, чтобы носить в разных обществах разные маски и сбивать врагов с толку. Не один неонат пострадал от того, что начал докучать в клубе какому-нибудь Грегору Бесфамильному, не зная, что в рабочее время этот Сородич известен как Маркиз Чайнатауна или Гарпия Картер. Некоторые используют разные имена для общения с членами своего клана, ковенанта и даже конкретной семьи.

Стоит заметить, что хотя некоторые Лорды обращаются к историческим именам, обладающим величественными коннотациями (Август, Креуса, Виргиния и так далее), многие любят выбирать символические прозвища, не связанные непосредственно с именами. Хорошим примером может быть Ас из Лас-Вегаса. Мало кто из Сородичей знает, как его зовут на самом деле, но для него это и не важно. Он хотел быть Асом – лучшим игроком города, – и теперь его мечта полностью соответствует действительности.

О, существует огромное число Вентру, которые гордятся своей фамилией (или стыдятся её). Они прекрасно знают, какую фамилию носит их сир, грандсир и более дальние предки. Однако чаще всего эти “династические имена” известны лишь нескольким Вентру в домене – тем, для кого они имеют значение. Некоторые Вентру даже *скрывают* свои династические имена.

Всё это означает, что даже упомянутые в этой книге Сородичи легко могут быть вам известны под другими именами. По счастью, работа с таким обилием прозвищ и псевдонимов позволила мне составить *приблизительный* список имён, которые предпочитают Вентру во многих частях планеты.

Авраам	Сайрус	Ирод	Парс
Адам	Данте	Хирохито	Филипп
Александр	Де Голль	Исмаил	Писарро
Альфред	Эдо	Джефферсон	Поллукс
Анаксим	Эдвард	Джозеф	Приам
Анаксимандр	Элисса	Юлий	Рихард
Антигона	Элизабет	Лаэрт	Саладин
Ашадруж	Фатима	Леопольд	Сан
Август	Франко	Ливий	Бартоло
Белалькасар	Франц	Мбир	Шова
Бонавентура	Гейтс	Мехмед	Тайшо
Будика	Джанкарло	Меиджи	Соломон
Каролина	Грант	Меркуцио	Тлалок
Кастильо	Григорий	Миранда	Вено/а
Кастор	Хан	Мутапа	Виллу
Кэтрин	Гарольд	Небедза	Вергилий
Чарльз	Хоуторн	Николас	Виргиния
Цицерон	Гектор	Нильс	Вальсингам
Кортес	Гекуба	Нумитор	Ямамото
Креуса	Генри	Отто	Чжоу

Кресцентия Макеллариус

Это интервью прошло весьма необычно. Начиная практически с самого начала беседы, я не задавал никаких вопросов и просто слушал, что она говорит. Не буду отрицать, что во многом я вёл себя так потому, что просто её боялся.

Кресцентия Макеллариус выглядит как огромная, толстая женщина, разросшаяся до совершенно нечеловеческих размеров. И в ходе беседы она постоянно ела. Именно *ела*: на случай если вы не знаете, династия Макеллариус сохранила способность к перевариванию пищи, в роли которой, как правило, выступает человеческое мясо. И что, вероятно, хуже всего, по её лицу прекрасно было видно, что она наслаждается вкусом этой запретной пищи.

Вот что она рассказала.

О семье

Семейные узы всегда будут обладать огромным значением для любого мыслящего существа. Конечно, не всегда можно понять, почему кто-то гордится *своей* семьёй: вы, например, слышали об одной из наших династий, в которой каждый Сородич становится главой целого улья смертных? Буквально – улья. Эти люди не думают – или, точнее, не думают о себе как об индивидах. Они все считают себя единой сущностью. И только Сородича, которому они поклоняются, они зовут королём или королевой. Прямо как пчёлы. Тоже мне честь. Королева!

На чём я остановилась? Ах да, семья. Семейные узы подобны тканям, соединяющим кости и мускулы. Вот, хотите попробовать? Нет? Точно? Ну как хотите.

Мы, Макеллариусы, тоже всегда гордились своими узами. Я понимаю, что многие смотрят на нас и тыкают пальцами, говоря: “Ах, эти Макеллариусы! Жирные твари! Чудовища!” И до определённой степени они правы. Но всех нас объединяет друг с другом не монструозность и даже не этот размер, который вы не могли не заметить. О размере я вообще расскажу отдельно, но не сейчас.

Нас объединяет своего рода вкус к жизни. Знаете, в Древнем Риме мы разводили лошадей. Выводили в них лучшие качества, год за годом и десятилетие за десятилетием. Вот то же самое мы делаем друг с другом. Мы постоянно общаемся и стараемся сформировать друг в друге лучшие черты.

Скажите, вы нашли свою семью? Могу свести вас с Кремини. Это одна из династий нашего клана. Они как раз ищут благородных Сородичей вроде вас. Мне кажется, вы прекрасно им подойдёте. Дайте-ка посмотрю.

В этот момент Кресцентия наклонилась ко мне и взяла за подбородок, после чего покрутила мою голову влево-право, словно оценивая ягнёнка. Удивительно, но я не только не попытался отшагнуть от неё в сторону, но и почувствовал определённую гордость, видя по её глазам, что она довольна видом моего лица. Хотя позже я подумал, что, может быть, в этот момент она пыталась понять, подойдёт ли моя голова для супа.

О размере

Я слышала, будто имя нашего клана пошло от французского слова “пузатые”. Это правда? Ладно-ладно, это не так уж важно. Что важно, так это размер. Размер всегда придаёт вам статуса. Он показывает вашу силу. Вы видели полотна Рубенса? Этот художник знал, как изобразить полную женщину!

Правда, как и любое другое проявление силы, размер нужно получить. Это не самое приятное ощущение, знаете ли... я про вступление в ряды нашей родословной. Кости не сразу начинают адаптировать к новому весу и просто ломаются. Да, прямо внутри вас. Они ещё и не спешат восстанавливаться. Но с болью приходит сила. Могу сказать по-другому: без боли – в том или ином её проявлении – вы никогда ничего не добьётесь.

О вкусе

Не стоит недооценивать саму способность к восприятию вкуса. Вы знаете, кто не воспринимает вкуса? Собаки. Они едят всё, что лежит у них в миске. Если подумать, сюда же можно отнести бездомных. Или наркоманов.

Я знаю, что Макеллариес часто считают обжорами. Святая истина! Но мы едим то, что нам нравится. Мы не набрасываемся на добычу где-нибудь в грязной подворотне. Мы наслаждаемся своими блюдами.

Подумайте вот о чём: король – или любой правитель – отражает своим поведением дух своего народа, однако при этом он остаётся и конкретным индивидом. Точно так же и вкус. Сородич, у которого есть вкус, выражает в процессе питания свою душу. Я ещё не рассказывала об одном Примогене, с которым когда-то водила знакомство? О, поначалу он казался самым воплощением эстетики. Хорошо одевался. Красиво говорил. Но потом я увидела, чем он питается. Бродяги. Транссексуалы. Даже животные! Он даже заразу переносил от одной жертвы к другой.

Когда его наконец убили, все утверждали, что поводом стала непопулярность его политики, но я знаю правду. Его терпеть не могли из-за грязи, которую он носил с собой.

Я знаю, что не все могут оценить пищу так же, как Макеллариес. Но вы не можете отрицать, что у каждого вида крови свой вкус. Иногда я велю своим слугам налить в стакан сразу несколько разных видов и пробую один винтаж за другим.

Вот. Попробуйте оценить чистоту этой крови на глаз. Как вам цвет? Не пейте всё сразу. Сделайте глоток и скажите, что думаете о густоте. Давайте я вам помогу. Вот здесь – кровь ребёнка. Напоминает цикорий, не так ли? Кровь девушки слегка пряная, в ней есть что-то от горького яблока и крыжовника. Чувствуете?

*Разумеется, я ничего этого не почувствовал. Про ближайший купаж я сказал, что он напоминает вишню, каштан и трубочный табак. Кресцентия похвалила меня за оценку, хотя, по-моему, она просто не захотела меня обидеть. Есть и другое объяснение: возможно, в её присутствии я странным образом *хотел* почувствовать то, что она хотела мне внушить – и возможно, она это знала. Всю беседу мы что-то пробовали, но у меня было ощущение, будто она пробует на вкус меня самого.*

О Вентру

Знаете, что мне нравится в нашем клане? Взаимное уважение. Даже наше соперничество проходит на другом, более высоком уровне, чем у других Сородичей. Конечно, порой один Лорд убивает другого, а мы, Макеллариес, может и вовсе выварить голову неугодного конкурента и сделать из него жирный бульон. Но мы всегда делаем это с определённой долей уважения. И, разумеется, мы никогда не станем делать это с Лордами из Инвиктус. Наш клан и ковенант просто созданы друг для друга. Мы царственны. Мы священны. Любой Вентру понимает это с первых ночей своей жизни. Конечно, у нас есть проблемы с молодняком.

В этот момент я подумал, что она говорит обо мне. Она заметила это по моим глазам и весело щёлкнула меня по щеке, словно мать ребёнка, и попросила не беспокоиться.

Да, молодые Вентру рассчитывают добиться всего, не запачкав руки. Это ошибка. Мы царственны – но мы не созданы для стерильного правления. Мы не принцессы и принцы из сказок. Нам приходится месить грязь, стекающую по холму под названием Власть, прежде чем мы сумеем забраться на самый верх.

У нас, Сородичей, уже были такие капризные принцы. Их звали Юлии. Они правили Римом две-три сотни лет, может несколько больше. А потом они кубарем скатились с этого холма Власти, потому что туда ценой колоссальных усилий забрались Вентру. Мы умели запачкать руки. А они нет.

Это последний любопытный момент из нашей беседы. Кресцентия заявила, что будет рада повидать меня в другой раз и пообещала, что откупорит нечто “особое” в своём

подвале. Боже, в этот момент я искреннее захотел пойти в церковь и совершить причастие.

Записки мёртвой девочки, часть II

Это становится проблемой. Убийца нанёс новый удар, куда посерьёзнее. Смертные уже позвонили в полицию, и если бы не Хардейкен, у нас бы не получилось вовремя всё здесь прибрать. К счастью, Хардейкен знает, кому позвонить. Кого я обманываю, он держит под собой почти весь полицейский участок.

И всё же нам пришлось торопиться.

На этот раз убийца прикончил сразу молодую чету, их ребёнка в коляске и даже собаку. Последнюю задушили собственными кишками.

Я спросил Хардейкена, как нам всё это убрать. Он сказал, что эта работа не для меня – я здесь только для ведения отчётов. Ну, пусть делает как хочет. Я походил вокруг и нашёл ещё одну записку, на этот раз прибитую к дереву осколком кости.

“Время резать глотки! Нашу семью лишили права на жизнь. Никто не хотел нас здесь видеть. Но теперь я – Святая. Теперь я – прорицатель. Отец хотел сына, чтобы передать ему власть. Но он получил дочь, а не сына. Я – эта дочь! И когда придёт время резни, я буду в безопасности”.

Благородные преступления тирании: Роль семьи и обычаев в обществе Лордов

Это эссе написал мой “брат” от того же сира, Погонщик нашего клана. Замечу, что Эфор советовал ему отказаться от составления этого документа.

По словам Цицерона, Юлий Цезарь часто цитировал строки из “Финикиянок” греческого трагика Эврипида: “Если преступление может быть благородным, то благороднейшим из преступлений должна быть тирания”.

Вентру считают власть естественной частью своего Реквиема. Даже если мы делим друг друга на “более” и “менее” достойных, сам факт принадлежности к клану делает каждого из нас частью властного и престижного общества. Я долгое время пытался понять, почему мы создали культуру, в которой каждый – включая неонатом и даже новообращённых – считается лучше “простых” Сородичей. И я не нашёл другого ответа, кроме самого элементарного: это приятно. Нам так проще. Мы с первых ночей растём в обществе, ставящем власть и престиж на первое место среди своих приоритетов.

Обратите внимание на то, как мы знакомимся друг с другом. Как мы впервые входим в общество местных Вентру, если прибыли из другого домена или по каким-либо причинам не смогли представиться ранее Лордам своего города. Мы называем не только собственное имя и интересные факты своей биографии – мы упоминаем и своих сиров, свою династическую фамилию, своё наследие.

Молодые Вентру часто обращаются ко мне с вопросами о том, как произвести впечатление на других Лордов. Как не показаться им слишком неопытными. Для них и написано это эссе.

Все, кому важно моё мнение, запомните следующие принципы.

Когда вы встречаете других Вентру впервые, начните со своего имени и домена, из которого вы прибыли. Затем назовите сира и сразу после него – тех предков, имена которых могут быть известны за пределами вашей личной семейной линии. Не забывайте, что многие знаменитые Вентру известны в разных доменах под разными именами, даже если порой они и похожи. Поэтому во избежание недопониманий называйте не только имена своих предков, но и деяния, принёсшие им всемирную славу. Говорите о датах и местах. И да, это касается только деяний ваших *предков*. Избегайте упоминания собственных достижений, чтобы вас не сочли хвастуном – причём не сочли справедливо.

Говоря простым языком, вы “Ричард из Ньюкасла, потомок Бонавентюра – Графа Эджвилля, среди предков которого числится Князь Филадельфии Филип”. Вы не “Ричард, победитель Картанцев”. Избегайте такого вульгарного пафоса.

Не забывайте подстраиваться под конкретную аудиторию. Мне доводилось встречать тех, кому совершенно не важно, кем были ваши предки: в таком случае быстро и скромно упомяните детали из своей личной истории достижений. Встречал я и Лордов, которые даже не постараются запомнить ваше имя, если вы не начнёте свою речь с рассказа о древнейших представителях своей династии – чем древнее, тем лучше.

Однако в любом случае соблюдайте правило недосказанности: Вентру любят тех, кто окружает себя аурой лёгкой загадочности. Нам нравятся те, о ком можно будет что-то узнать в дальнейшем. Сформулирую эту мысль ещё проще: не говорите сразу всего. Оставьте что-нибудь на закуску.

Ещё одна трудность связана с тем, что не все деяния ваших предков следует разглашать, особенно если они ещё живы. Иногда вас могут счесть болтуном, который рассказывает о тайнах своих предков ради создания яркого впечатления. Избегайте этого.

Для простоты используйте следующий алгоритм:

- Назовите текущее имя – настоящее или нет, – затем имя вашего сира, затем ваше личное прозвище (если вы его не стыдитесь) и, наконец, место вашего Обращения.
- Если вы прибыли в новое общество из другого домена – *не* того, в котором вас Обратили – упомяните и его.

- Кратко наметните на свои достижения или на честь, оказанную вам вышестоящими Вентру: “Я Лорд [своего домена], получивший в своё владение [ценную территорию] от [известного Князя]”.

- Назовите грандсира или другого предка, которого помните, но только если это поможет вашей аудитории лучше понять вашу семейную биографию. В конце концов, “просто грандсир” есть у любого Сородича.

- Можете быстро упомянуть достижения ваших потомков, если вы уже успели ими обзавестись. Однако учтите, что перечисление достижений более чем трёх членов вашей династии (например, попытка дополнить рассказ о ваших личных успехах, достижениях сира и триумфах потомка историей об успехах ещё более дальних членов вашей семьи) может вывести ваших слушателей из терпения.

- Всё лучшее оставляйте на потом. Самый древний из моих знакомых мог назвать достижения своих предков в 1600 году, но он мудро рассказывал о них лишь спустя определённое время после начала беседы.

Вы можете спросить: почему говорить о собственных достижениях нужно лишь вскользь? Помимо очевидного ответа, что так вы дадите окружающим меньше поводов считать вас заносчивым хвастуном, отмечу, что тем самым вы показываете, что думаете о Вентру как о единой семье. Вы помните достижения других Вентру, а не сосредотачиваетесь лишь на собственных, уникальных успехах. И не забывайте, что личные успехи есть и других Лордов.

А что касается тирании и нашей стереотипной тяги к доказательству превосходства над окружающими, то позвольте разубедить вас. За редкими исключениями, Вентру не торопятся подминать окружающих под себя, устанавливая *явную* тиранию. Наше стремление к власти проявляется совершенно в другом. “Мы не признаём поражений, потому что не верим, что у любого соперничества есть конец”. Эту фразу произнёс мой знакомый Эфор, и я считаю её лучшей формулировкой нашей семейной идеологии, которую я когда-либо слышал. Вентру не верят в конечность каких-либо конфликтов.

Если мы победили, мы знаем, что вскоре на наш престол начнут посягать претенденты. Если мы проиграли, мы знаем, что нас лишь заставили подготовиться к следующему раунду.

Записки мёртвой девочки, часть III

Это почти бессмысленно, но вот всё, что я смог накопать в результате расследования.

- Бану Квази – мусульманская династия Вентру по имени Кассий, который призывал Обращать только мужчин и не признавал Сородичей из числа женщин. Возникла около девятого века нашей эры.

- Никаких упоминаний *Святой* из записок убийцы я не нашла, однако с Бану Квази тесно связана жизнь благочестивого Сородича по имени Святой Эмильянус.

Пойду расскажу об этом Хардейкену. Пусть он голову ломает.

Боги были вампирами

Эту листовку ещё в 2001 году перехватил мой агент в Амстердаме, где подобные флаеры раздавали всем членам религиозной встречи, в которой участвовали Аколиты, Картанцы и кто-то ещё. Встречу разогнали местные Сородичи из так называемого “Общества К”. Они заявили, что изложенная здесь философия нарушает принципы Маскарада.

От себя замечу, что религиозные учения подобного рода напоминают мне о Малкавиан.

Бога нет! Вампиры есть!

- Гомер писал не о богах! Он писал о наших предках! Они были Сородичами!
- Куда делись лары? Может быть, это мы? Нет! Ларов не существует!
- Первые Вентру были Обращены Герой/Юноной, которая была вампиром, а не богиней!
- Венера тоже была Сородичем, и она сделала Энея своим гулем!
- Вентру – прямые наследники богов!
- Кровавые боги греков и римлян всё ещё здесь! Они спят в долгом торпоре, ожидая, когда мы пробудим их своим зовом!
- Великий исследователь Ликург из нашего клана считает, что Венера спит где-то в Греции! Найдём же её! И не дайте безумцам замалчивать Ликурга!

Магнат

Я получил запись этого интервью от своего знакомого в другом домене. Он сам провёл его и расшифровал, однако другие Сородичи не хотели, чтобы он публиковал эти сведения. К своему ужасу, я потерял связь с этим автором, а мои агенты утверждают, что Помещик пробудился всего через месяц после интервью.

Предпоследний этаж небоскрёба. Полутьма. Полное отсутствие запахов. Где-то внизу светят уличные фонари. Странно видеть, как этот свет на мгновение закрывает собой вертолёт, на который я могу взглянуть *сверху*. Ещё удивительнее, что отсюда его не слышно.

Мы годами использовали это здание для встреч с Эфорами, главным из которых по праву считается только один, связанный с нашим кланом. Мы называем его Магнатом.

Магнат оставил меня в этой комнате одного. Даже если служитель, пугающе белый парень по имени Паллас, заглянул ко мне только чтобы сказать: “Скоро господин спустится к вам”. У Палласа только одна рука. Это хорошо дополняет картину жуткого логова, в котором я оказался по долгу службы.

Магнат появляется из полутьмы. Сначала кончики его пальцем, затем нос и только затем – лицо. У него тёмная кожа и влажные глаза, как будто он только что вышел из душа. В его облике есть что-то дикое. Если бы я встретил его в первый раз, я бы наверняка принял его за Гангрела.

– Добрый вечер, – говорит он, проходя мимо меня. – Прости, что заставил ждать.

– Никаких проблем, сэр, – вынужденно отвечаю я.

Он садится в дальнем конце стала и смотрит на меня, как директор на школьника.

– В чём твой вопрос?

Я прочищаю горло.

– Сэр, я собираю информацию о лучших представителях нашего клана в целях повышения нашего культурного уровня.

– Парень, я неонат. Тебе не обязательно говорить со мной так формально.

– Спасибо, сэр.

– Паллас говорит, что мне следует кое-что рассказать о своих первых ночах.

– Если это не затруднит вас, сэр.

– Я не стану раскрывать тебе свои тайны, – говорит он с широкой, клыкастой ухмылкой. – Но я могу упомянуть пару фактов, которые будут интересны другим неонатам. Доставай свою ручку.

Я раскрываю блокнот, отмечая про себя, что не ожидал от него подобного стиля общения. На формальных встречах он ведёт себя совершенно иначе.

– Меня “вташили” (*под этим словом он явно имеет в виду Обращение*), когда мне должно было стукнуть тридцать шесть. Сейчас мне должно исполниться шестьдесят – по человеческим меркам. С сиром мне повезло. Я унаследовал его богатства и пару титулов. Про себя мы его тогда звали Помещиком. Да-да, я знаю. Он Помещик, я Магнат. Эти полущутливые имена запустил в своё время наш Патриарх, который не хотел, чтобы нас называли настоящими именами. А, собственно, вы можете называть меня Сайрусом.

Я, разумеется, тотчас же это записал.

– Это первый хороший урок. Анонимность может открыть вам не меньше возможностей, чем власть и слава – если уметь ей пользоваться. Даже в нашем домене некоторые Сородичи знают меня под разными именами, и они не всегда проводят между ними реальные связи. Это помогает заключать сделки, не опасаясь, что кто-нибудь вспомнит о твоей репутации. У тебя её просто нет. При должной сноровке можно даже научиться менять свой облик.

– Я правильно понимаю, что вы человек с огромной властью?

– Властью... – задумчиво повторяет Магнат.

Я начинаю задним числом вслушиваться в собственный вопрос и понимаю, что он прозвучал достаточно глупо. Однако я жду, чтобы не показаться ещё глупее. Магнат откидывается в кресле и складывает ладони пирамидкой.

– Власть – это вес у тебя на шее. Власть не терпит анонимности. Стремиться нужно к контролю. Если ты держишь что-либо под контролем, но в какой-то момент допускаешь ошибку, ты не теряешь столько, сколько при потере власти. Потому что в последнем случае тебя просто смещают. Хочешь начистоту? Власть в этом городе принадлежит моим ближайшим помощникам. А я их всех контролирую.

Пока я записываю его слова, Магнат поворачивает голову и какое-то время смотрит куда-то в сторону, словно у него там записана готовая речь.

– А ещё, – добавляет он, поворачиваясь ко мне, – когда ты что-то контролируешь, ты можешь решать, что хорошо для города и что плохо. Помещик сказал мне это до своего... ухода. Нет-нет, он просто спит и скоро проснётся. Когда он вернётся ко мне, он тоже будет решать, что плохо и что хорошо. И обрати внимание: если что-нибудь между нами произойдёт, в городе сменится источник контроля – но власть никуда не исчезнет.

– Вы собираетесь передать ему все свои наработки?

– Не всё из этого моё. Но я много сохраняю при себе. Я слишком много вложил в развитие этого домена. Запомни, никто не рождается Лордом. Я знаю, что сотни других Сородичей скажут, что это не так. Но это просто риторика, обороты речи и, честно говоря, попытки польстить самим себе. Лорды появляются там, где их выбирают другие Лорды. И главное, дружок, умей отличать правду от правды. В каждой ситуации есть две разные истины. Вот, допустим, ты видишь, что двое старейшин спорят друг с другом. Но что происходит на самом деле? Пытаются ли они определить, какой из их идеалов правильнее – или они просто дерутся за власть? В первом случае их можно привести к консенсусу. Во втором конфликт неизбежен. Умей отделять *настоящую* правду от того, что лишь *кажется* правдой.

Записки мёртвой девочки, часть IV

Я уже говорил, но эти убийства становятся настоящей проблемой. Город на ушах. Несколько человек, включая маленькую девочку, убиты на собственном участке. Хардейкен куда-то запропастился, хотя говорят, что он тоже ищет убийцу.

На этот раз мне пришлось разбираться самостоятельно. Вот записка, оставленная среди трупов:

“Призраки семи, семь призраков. Мы думали, что они мертвы. Но они возвращаются. Дикари думают, что они переживут нас всех, но Дикари ошибаются. Всех переживу я. Стрега, нона стрега! Казадор де ля Бруха! Где этот Молот ведьм? Где знаменитый Маллеус Малефикарум, “Tableau de l’Inconstance des Mauvais Anges et Demons”? Кто будет нашим Пьером де Ланкром? Кто разгонит ведьм, осаждающих Инфернуко эррека?”.

Понятия не имею, что это значит – и значит ли. Буду ждать Хардейкена. Мне он нравится. Хотя иногда забавно бывает посмотреть, как он бесится.

Записки о “Тайной истории”

Даже не знаю, зачем я включаю эти эмейлы в свою работу – разве что затем, чтобы удовлетворить вашу просьбу во всём соблюдать максимальную тщательность. Поскольку эти теории заговора идут вразрез с законами здравого смысла, искренне прошу простить за сокращения, в которых я привожу эти письма.

Вот самая адекватная выжимка, которую я могу представить вашим глазам.

От: Аноним (071421@DO-NOT-REPLY.com)

Дата: Воскресенье, 1 января, 2001 г., 12:00

Кому: Архив тайной истории (124170@DO-NOT-REPLY.com)

Тема: Агиография Меровингов

Короли Меровингов не были потомками Иисуса Христа, как заявляли их сторонники и пропагандисты. Они были потомками Лонгина. Именно поэтому семеро женщин из их династии стали святыми не в жизни, а в смерти. Они обрели святость сразу после Обращения. Их святость заключается в том, что они умерли – однако их души возрождаются в каждом новом Вентру из их династии. Регунульфа! Ода! Холарода! Батильда! Радегунда! Монегунда! Геновефа! Таковы *витэ эт миракула*, чудеса крови!

От: Аноним (071421@DO-NOT-REPLY.com)

Дата: Воскресенье, 1 января, 2001 г., 12:00

Кому: Архив тайной истории (124170@DO-NOT-REPLY.com)

Тема: Тасций Хостилий

Тасций Хостилий, прозванный также Нумидой и Мором, погибал уже двадцать один раз – но возрождался вновь. Этот Лорд несёт в себе кровь самого Лонгина. Он сумел создать новую, уникальную родословную – ныне прозванную Морбус, – несмотря на то, что он состоит в клане Лордов. Никому до него этого не удавалось, потому что ни в ком кровь Лонгина не проявилась сильнее, чем в нём.

От: Аноним (071421@DO-NOT-REPLY.com)

Дата: Воскресенье, 1 января, 2001 г., 12:00

Кому: Архив тайной истории (124170@DO-NOT-REPLY.com)

Тема: Чарльз Чиникай

Святой отец Чарльз Чиникай был прав в своих утверждениях, что Авраама Линкольна убили члены Католической церкви – однако он ошибался в том, что это были иезуиты. Нет, президента убила клика заговорщиков из Святилища копыя. Эти еретики из Ланцеа Санктум провели ритуал, позволивший им Обратить человека так, что вместо его души новый Сородич получил тёмную душу демона. Этот демон убил Линкольна задолго до предполагаемой смерти. Он принял облик собственной жертвы и стал управлять страной, однако это привело уже к общеизвестному убийству в театре.

От: Аноним (071421@DO-NOT-REPLY.com)

Дата: Воскресенье, 1 января, 2001 г., 12:00

Кому: Архив тайной истории (124170@DO-NOT-REPLY.com)

Тема: Влад Цепеш

Дракула принадлежал к клану Вентру. Если это не очевидно само по себе, вот несколько доказательств:

- Прочитайте “Дракулу” Брэма Стокера задом наперёд, используя шифр Виженера с ключом “Юлии”. Я мог бы написать здесь ключевые строки этого перевода, однако боюсь, что текст останется в Сети.

- Найдите и прочитайте настоящий вариант “Ритуалов Дракона”.

- Каждая масонская ложа старше двухсот лет служит Вентру, который погружён в ритуальный торпор. Каждый из этих Вентру знает правду о Дракуле. Пробудите их и поймёте, о чём я говорю.

Хьюстонские письма

Ниже приведены письма двух видных деятелей из Хьюстона: Шерифа Лейка и лидера Гарпий Женевьевы, которая за несколько лет до этих событий помогла местному Князю свергнуть его предшественника. Оба пишут самому Князю, которого они в Хьюстоне называют Командиром. Примечательно, что в тексте упоминается библиотека Нового Орлеана, на которую я ссылался ранее.

Командир, я позволил Рико и католическим прихвостням покинуть город. Знаю, что Гарпии будут вопить о потере ценных пленников, но это их дело. Кроме того, Джейкоб будет следить за католиками, пока они не доберутся до Нового Орлеана.

Полковник Лейк, Шериф Хьюстона

Командир, до меня дошли слухи, что Лейк отпустил этих псов с поводка. Нужно ли мне подчёркивать, насколько это дурная идея? Что они вернуться к нам в город с другими Благословенными?

*Спикер коллегии Гарпий,
Женевьева*

Командир, в город прибывают всё новые смертные из Нового Орлеана. Между тем, Женевьева всё время вмешивается в мои дела. Сэр, могли бы мы обойтись без Гарпий? Если её присутствие необходимо с политической точки зрения, могу ли я скормить ей только самую бесполезную информацию?

Полковник Лейк.

Командир, Лейк меня не слушает. В городе появились беженцы из Нового Орлеана. Большинство из них смертные, но от них за версту несёт Витэ. Кто-то подослал к нам лазутчиков.

Возможно, в ближайшие годы вам и удастся самому стать Князем Нового Орлеана, однако пока что я не рекомендую связываться с католиками.

Женевьева

Командир, вместе со смертными в городе появляются и Сородичи. Некоторые из них ищут пристанища в нашем домене, однако многие прячутся от меня и даже нападают на моих агентов. Прошлой ночью мы потеряли одного бойца – смертного, но хорошего кандидата на Обращение.

Я посылаю группу лазутчиков в Новый Орлеан. Пусть присоединятся к Джейкобу.

Полковник Лейк

Командир, правильно ли я понимаю, что Лейк отправил своих людей в Орлеан? Если так, то я категорически возражаю против подобных действий. В сущности, я склонна считать их опасными и идиотскими. Новый Орлеан незнаком нашим людям. Взять его силой не получится. Лейка надо остановить.

P.S.: Если эти действия неизбежны, Лейка следует предупредить о ценности местной оккультной библиотеки. Что бы он ни делал в этом домене, библиотеки его действия коснуться не должны.

Женевьева

Командир, один из моих людей сообщил, что в домене на них напал драугр и некие “ведьмы”. Он буквально умоляет о помощи. Я отправляюсь в Новый Орлеан сам, чтобы возглавить группу Джейкоба.

Полковник Лейк

Должна признать, Лейку удалось больше, чем я ожидала. Он добрался до Нового Орлеана – или хотя бы до группы Джейкоба, которая могла находиться и за пределами вражеского домена.

Я послала за ним своих людей. Сейчас Лейк, Джейкоб и несколько Дикарей находятся у меня в убежище. Проблема состоит в том, что они обезумели. Все до единого. Они сохранили подобие человеческого интеллекта и всё ещё произносят обрывочные реплики, но большей частью они ведут себя как животные.

Смотрительница моего убежища утверждает, что они мечутся внутри и кричат даже днём.

Я спросила Лейка о библиотеке. Он плюнул в меня кровью и начал пилить меня взглядом своих жёлтых глаз. Можете забрать его, когда вам будет удобно.

*С сожалениями,
Женевьева*

Записки мёртвой девочки, часть V

Я по-прежнему мало что понимаю из этих заметок, однако вот что мне удалось найти по темам, которые явно интересуют убийцу:

- **“Молот ведьм”, или “Маллеус Малефикарум”:** весьма известный трактат о ведьмах, написанный ещё в пятнадцатом веке.

- **Стрега, Бруха и “Tableau de l’Inconstance des Mauvais Anges et Demons”:** Первые два слова обозначают ведьм. “Табло де... демонс” написано в 1600 году Пьером де Ланкром – судьёй, подстрекавшим охоту на ведьм. Как и “Маллеус Малефикарум”, книга посвящена очернению мистиков и оккультистов.

- **Инfernуко эррека:** Лысая гора, на которой собираются ведьмы.

К моменту написания этих строк найдены ещё двое убитых. Отец и дочь, оба обезглавлены и положены так, чтобы их безжизненные руки сомкнулись в объятиях. Где, чёрт возьми, Хардейкен?

Записка на этот раз гласит: “Я была права! Похитители тел вернулись, чтобы наказать нас. Они вселяются в тела ведьм. Сумеем ли мы отыскать Перфекти? Призываю всех, кто читает эти строки, делать то же, что и я: обезопасить себя. Убивайте, чтобы остаться в живых”.

Криптия

Впервые термин “Криптия” зародился в Спарте, где он обозначал регулярные избиения или даже убийства илотов (землевладельцев). Плутарх описывал Криптии так:

“Вот как происходили криптии. Время от времени власти отправляли бродить по окрестностям молодых людей, считавшихся наиболее сообразительными, снабдив их только короткими мечами и самым необходимым запасом продовольствия. Днем они отдыхали, прячась по укромным уголкам, а ночью, покинув свои убежища, умерщвляли всех илотов, каких захватывали на дорогах. Нередко они обходили и поля, убивая самых крепких и сильных илотов”.

Сегодня значение термина несколько изменилось. Вентру называют Криптией тайные, короткоживущие котерии убийц, созданных для решения определённой задачи. Например, в Криптию могут собраться несколько Вентру, решивших уничтожить убежище своего врага, отыскать сбежавшего гуля, отрубить голову Патриарху другого клана – а затем разойтись своими путями.

Криптия всегда действует в тайне, хотя в некоторых доменах Князь пользуется услугами неофициальной, но всем известной команды убийц, ведущих от его лица Кровавую охоту (как правило, необъявленную).

Несмотря на то, что всех членов Криптии скрепляют общие тяготы, любой “наниматель” или “инициатор” создания такой группы старается, чтобы убийцы не слишком привыкли работать друг с другом. Если Криптия превратится в братство, у местных Сородичей могут появиться проблемы уже с ней самой (поскольку такие Сородичи будут обладать большей силой, чем весь аппарат Шерифа и Цербера).

Доминатрикс и Академия

С первой же ночи моего появления в её домене каждый Сородич старался впечатлить меня рассказами о Доминатрикс. Её знали все. В каком-то смысле это был её собственный город, поскольку о ней говорили больше, чем о чём-либо другом.

Разумеется, у неё есть и другое имя – Белла Коэн, – которым её называют не реже, чем прозвищем Доминатрикс. Кроме того, местные иногда именуют её по титулам Баронессы и Домме. Словом, как и у любого другого видного Лорда, у Беллы Коэн много имён.

Сразу замечу, что хотя Доминатрикс не брезгает этими новомодными практиками, призывающими получать сексуальное удовольствие через боль и унижения, своё главное прозвище она получила от названия нашей ключевой Дисциплины: Доминирования.

Однако прежде чем я расскажу вам о встрече с самой Беллой Коэн, позвольте сделать короткую остановку и представить вам Академию.

Две Академии

Некогда Академия располагалась в Манчестере, где она занимала поместье какого-то смертного. Открыли её в 1794 году. На протяжении почти целого века истинные хозяева Академии – двое Вентру по имени Абигейл и Форсайт – приглашали в Академию неонатов Вентру в возрасте от 20 до 60 (считая лишь годы Реквиема, а не человеческой жизни). Неонаты тратили несколько лет на освоение тайн Доминирования. Именно оттуда пошло известное убеждение – популярное даже в современные ночи, – что для успешного применения Дисциплины Сородичу следует разгонять кровь по телу и придать себе хотя бы подобие жизни.

Увы, в 1859 году Академия сгорела дотла вместе с Форсайтом и тремя учениками. Абигейл бежала в Новую Англию, где утверждала, что Академию уничтожила некая враждебная группа вампиров – однако никаких деталей она не раскрыла до сих пор.

Так или иначе, ей удалось открыть новую Академию, которую немногим меньше столетия назад посещал и я.

Доминатрикс

Я упомянул Академию Новой Англии лишь с одной целью: показать, насколько методика Доминатрикс отличается от размеренного, многолетнего обучения в Академии. Если Абигейл обучала меня и других студентов по принципам современных образовательных учреждений – читая лекции, проводя семинары и даже выдавая дипломы, – то у Доминатрикс всё держится на её *противостоянии* с учениками.

Видите ли, Белла Коэн убеждена, что успешное Доминирование не должно ломать волю людей. Оно должно изменять их желания так, чтобы они сами хотели выполнить определённое действие – даже если прекрасно знают, что это неправильно. Она меняет не мысли, а личность жертв.

Своих учеников она открыто называет рабами. Когда Сородич приходит к ней с просьбой обучить его тайнам Доминирования, она обрушивает на него сразу несколько психических сил, поначалу лишаящих ученика свободы воли. Она издевается над ним, иногда даже подвергая физическим пыткам. Однако в действительности её цель заключается в укреплении личности студента, а не в его подчинении. Она ждёт, пока он не привыкнет к непрерывному психическому давлению. Когда он принимает участь раба, его разум начинает подстраиваться под методы Доминатрикс. Раб оставляет бесплодные попытки противостояния и начинает искать более гибкие пути к избавлению от Доминирования.

Через какое-то время ему это удаётся: возможно, он просто отказывается выполнять определённое действие, или сбегает от Беллы на достаточно долгое время, чтобы она утратила над ним власть, или даже накладывает эффект Доминирования на неё саму.

С этого момента и начинается реальное обучение. Белла открыто признаётся студенту, что она будет *противостоять* ему. Его задача заключается в том, чтобы победить

Доминатрикс в её собственной игре. Он не проходит никакого формального “обучения” с лекциями и экзаменами. Он просто стремится подчинить себе разум Доминатрикс, в то время как она старается подчинить *его*.

Что делает Беллу Козн особенно популярной в родном домене (но вызывает неодобрение у многих Вентру), она соглашается обучать всех – даже Призраков и Дикарей. Другое дело, что – по её убеждению – даже самые слабые Вентру в конечном счёте добиваются больших успехов в этом искусстве, чем представители других кланов.

Когда я спросил Доминатрикс, не кажется ли ей унижительным то, что в конце успешного обучения ученик временно подчиняет её своей воле, она рассмеялась и сказала, что гордится такими моментами. Власть, которой она наделяет ученика, в значительной степени принадлежит ей. Это она сделала его сильным.

Кроме того, в конфиденциальной беседе она призналась мне, что никогда не говорит ученикам одного и того же. Каждого она учит по-своему. Каждому даёт новые рекомендации. И в каждого она вкладывает своего рода тайный приказ, который остаётся с ними на долгие годы. Такова реальная плата за обучение. Каждый Сородич, освоивший Доминирование под присмотром леди Козн, становится её спящим агентом. Не стоит и говорить, что об этом не знает никто, кроме неё – а теперь и нас с вами.

Письмо Джордана

Это письмо прислал лично мне один старый знакомый. Я не нашёл ответа на вопрос, который он задаёт, однако и сам вопрос может послужить хорошим материалом для моего исследования. Кроме того, в ходе описанной ситуации Джордан использовал весьма любопытный трюк для противодействия Доминированию. Впрочем, предоставлю вам самим делать выводы.

Я тебе не доверяю.

С первой же встречи ты показался мне лжецом. Ты явно знаешь больше, чем рассказываешь. Но даже если ты и лжец, ты хотя бы не манипулятор. В отличие от всех остальных, ты никогда не пытался использовать меня в своих целях. Поэтому я и пишу тебе о том, что произошло со мной пару ночей назад. Если кто-нибудь и может объяснить, с чем я столкнулся, то это ты.

Ладно, хватит болтовни. Чем быстрее я изложу, что случилось, и получу твой ответ, тем быстрее мы покончим друг с другом.

Не так давно мы с одним приятелем решили покинуть родной домен. Ничего удивительного. Мы устали от постоянных конфликтов с другими Сородичами, да и от болезней, которыми наш индустриальный городок одаривал своих жителей.

В одну из ночей своего путешествия мы решили заскочить в забегаловку, в которой я когда-то работал официантом. Однако по прибытии мы обнаружили, что местечко давно закрылось. Мы подумали, что переждать в нём денёк будет хорошей идеей, и забрались внутрь. Внутри было больше грязи, чем я ожидал. От запаха гнили и сырости было трудно дышать. Я начал осматриваться и вдруг заметил, что мой товарищ смотрит на что-то прямо у меня за спиной.

Он успел выкрикнуть “Не смотри!”, однако, конечно, я тотчас же посмотрел назад. И получил удар в глаз. На меня навалилось что-то, что я поначалу принял за растолстевшую женщину Носферату, одетую в костюм официантки. Она громко шипела и всё норовила меня укусить. Поначалу я прибег к Доминированию, крикнув ей остановиться, но это не сработало. Хуже того, я отвлёкся и позволил твари схватить меня обеими руками. Тогда я использовал другой метод, понадежнее: ткнул ей пару раз в рёбра. Тут подоспел мой товарищ и отшвырнул её в сторону.

Только тогда у меня появилась возможность взглянуть на морду чудовища, напоминавшую вздувшееся лицо утопленника. Вот тогда-то я и обнаружил, что уже видел эту женщину раньше. Это была Бриджет. Я с ней работал, когда был жив. Но Бриджет не была Носферату. Она даже не была Сородичем. И я мог бы назвать её безмозглым ходячим трупом, если бы не то, что произошло дальше.

Бриджет начала читать мои мысли. Я не сразу это почувствовал, но вместо того чтобы нападать на меня снова, она посмотрела на меня своими жёлтыми глазами, и я услышал в голове её голос. “Я твоё будущее, Джордан”, – сказала она. Я попытался вышвырнуть её из своей головы, но она была сильнее.

Каким-то образом я почувствовал, что она просматривает мои воспоминания, словно старый фотоальбом. И я понял, что нужно делать. Я вспомнил худшее, что со мной произошло. Я вспомнил, как потащил умирающую мать в больницу вместо того, чтобы дать ей спокойно уснуть на диване. Это воспоминание вызвало у меня такую реакцию, что Бриджет на мгновение потеряла контроль над моим сознанием.

Она снова рванула ко мне, но мой друг схватил её за горло и впечатал в ближайшую стену. Потом снова. И снова, пока её мозг не начал кусками выпадать на пол.

– Это Сородич? – спросил его я.

– Нет, нам эта тварь не родня, – сказал он. – Как думаешь, будут ещё такие?

Я покачал головой и подошёл к трупу. Меня пугало сходство её тёмной крови с Витэ, однако я не смог удержаться от соблазна и попробовал пару капель на язык.

И вот тогда произошло то, почему я пишу тебе. Я увидел воспоминания Бриджет. Те воспоминания, которые были связаны со мной. И к своему ужасу понял, что эти воспоминания не ограничивались нашей короткой работой вместе.

Бриджет следила за мной. Она видела, где я живу и с кем я общаюсь. Она пряталась на безлюдной парковке, когда меня Обратил незнакомец в ковбойском прикиде. И я чувствовал её ненависть к нам, Сородичам. Я слышал, как она тихонько рычит про себя, глядя на моего сира, меня и других вампиров.

Кто она? Кем была и почему так нас ненавидела? Как она забралась ко мне в голову?

Или, возможно, я должен впервые за долгое время задаться вопросом, кем был мой сир?

Джордан,
Заброшенное кафе посреди Луизианы, 2006 г.

Крысиный король

Все говорили, что его не существует. Даже Патриарх Лордов открыто мне заявил, что в городе нет никакого Крысиного короля. Но вот он, стоит передо мной, игнорируя струйку воды, стекающую на него через трещину в потолке туннеля.

Вообще говоря, я не в самом приятном положении. В физическом смысле. Я только что свалился с забора, через который пытался перелезть. Я не знал, как ещё попасть на эту территорию. И всё бы ничего. Но зацепился ногой и упал на мокрый асфальт, по которому хорошенько так прокатился в сторону туннеля.

Здесь я и встретился с Крысиным королём.

Выглядит он как труп. В смысле, у него нет носа – если долго присматриваться, можно увидеть нутро его черепа через ноздри. Остальная часть лица тоже не пахнет здоровьем, однако не буду вдаваться в детали. Он одет просто, но довольно практично для такого места.

Вся его поза говорит: “Я жду”.

– Я не ищу неприятностей, – быстро говорю я, не поднимаясь с земли. Этой фразе меня научил один бандит из прошлой жизни. Когда оказываешься на чужой территории, лучше сразу обозначить свои намерения. Так будет хотя бы какой-то шанс, что по тебе не откроют огонь – просто на всякий случай.

Он молча скрещивает руки.

– Я залез на вашу территорию, – тихо признаюсь я. – Приношу извинения.

– Ага, – говорит он. Голос совершенно обычный, которого не ожидаешь от такого чудовища. Но потом я ловлю себя на мысли, что отсутствие носа сказывается. Есть, знаете, такая приглушённая нотка. – Зачем ты здесь?

– Я... не знал, как с вами связаться.

– Но зачем? – спрашивает он чуть громче, как будто говорит с иностранцем.

– Мне все говорили, что вас не существует.

– Нет. Почему ты здесь? Чего ты хочешь?

– Я могу встать?

– Сперва ответь.

– Я хотел поговорить с вами. Ну, убедиться, что вы действительно существуете.

– Ты чего-то хочешь.

– Я хочу поговорить.

– Ладно. – По интонации ясно, что он имеет в виду: “Ну и паршивый же из тебя обманщик”.

– Нет, правда. Я хочу поговорить. Просто... побеседовать. Ну, и узнать, есть ли хоть капля...

Я заминаюсь. Фраза должна закончиться словами “...правды в рассказах о вас”, но это может вызвать ненужные подозрения, что я не верю в его репутацию.

У него нет бровей, но я вижу, как кожа на их месте немного приподнимается.

– Хочу узнать правду.

– Да?

Я не знаю, как на это ответить, поэтому издаю звук, означающий примерно: “Ага”.

– Как скажешь. Поднимись, что ли, ты весь в дерьме.

Я опускаю голову, чтобы действительно не вляпаться в какое-нибудь дерьмо, пока поднимаюсь, а когда снова гляжу на него, рядом стоят ещё двое Сородичей. Носферату.

– Похоже, я сломал свой диктофон, – говорю я от растерянности.

– Диктофон?

– Для записи разговора.

– Ну и прекрасно. А ты что, репортёр?

– Нет, совсем нет. Я просто из города.

– Города?

– Из домена. Мой наниматель хотел узнать больше о местных Лордах. Мало кто верит в ваше существование, но обычно о вас говорят как о Вентру. Сейчас-то я сам вижу, что это не так.

– Я Вентру, – говорит этот голый череп. – Но я не знаю кто ты, зачем ты здесь на самом деле и почему я должен тебе что-либо рассказывать.

– Всё верно. Что я могу сделать, чтобы доказать свою честность?

– Сейчас ничего. Может, потом, когда я пойму, кто ты, мне и захочется поговорить. А пока исчезни.

Я киваю и поворачиваюсь, чтобы уйти. Когда спустя считанные секунды я оборачиваюсь взглянуть на Крысиного короля, его и ещё одного Носферату уже нет. Только второй из его подручных стоит и смотрит, как я ухожу.

Королевская свита

Проходит полгода. *Полгода*. На протяжении этого времени мне то и дело попадаются крысы. Не хочу сказать, что они заполонили моё личное пространство, но я вижу их возле мусорных баков, в подвалах, на улицах и даже через дорогу, когда сижу в кафе.

И знаете что? Я вполне допускаю, что это лишь совпадение. Но мне на ум приходит мысль, что имя Крысиного короля прекрасно работает. Даже если эти крысы никак не связаны с ним, я не могу избавиться от мысли, что он постоянно смотрит мне в спину.

Проверка связи

Спустя шесть месяцев дела заносят меня в безлюдную улицу, в которой стоит припаркованная машина. Проходя мимо, я бросаю взгляд внутрь: пусто.

– Король крыс, – произносит голос у меня за спиной. Хотя зачем я обманываю: у меня в голове. Серьёзно. Он не звучит откуда-то со стороны, хотя мне и хочется думать, что если я не вижу говорящего, то он стоит у меня за спиной.

Я оборачиваюсь.

– Что?

– Мы не говорим “Крысиный король”, – говорит Носферату, сидящий в автомобиле, который я миновал две секунды назад. – Мы говорим “Король крыс”.

– Ты специально тут сел, чтобы меня напугать?

– Нет. Я здесь, чтобы ты сказал мне, чего ты хочешь на самом деле.

– Я уже говорил. Мой наниматель хочет узнать, кто есть кто в этом городе. Кто кому приходится сиром, кто чем занимается – в таком духе. И он был весьма заинтригован новостью, что я встретил Крысиного... Короля крыс.

– Понял.

– Что заинтриговало ещё больше, так это мои слова о том, что он называет себя Лордом.

Клянусь, мне не хотелось задавать этот вопрос, но наниматель заставил меня. *Заставил*.

– Я тебя услышал.

– Он Лорд?

– Ага.

Я никогда не использовал голос Вентру на другом Сородиче, но мой наниматель умеет быть настойчив. Я смотрю в глаза Носферату и говорю:

– Будь честен.

– Он Лорд.

Какое-то время он смотрит на меня, и я отмечаю про себя, что у него поразительно зелёные глаза, которых не бывает у людей. Он выглядит как тварь, обитающая в пещере.

Затем он приходит в себя, и мы продолжаем глядеть друг на друга, прекрасно осознавая, что сейчас произошло.

– Вали-ка отсюда, – говорит он. – И никогда этого не повторяй.

– Вы со мной свяжетесь? – спрашиваю я, отходя назад.
Носферату не отвечает. Машина пуста.

Новости

Около месяца спустя я открываю городскую газету и вижу новость, сообщающую о пропаже детей в районе старого промышленного парка. Текст сопровождается фотографией туннеля – точнее, совершенно конкретной его части со всеми ориентирами.

Повелитель крыс

– Я с тобой поболтаю, но только чуток, – говорит Король крыс через сетчатый забор. – Но после этого ты проваливаешь, и я больше тебя не вижу.

– Понял.

– Ни в туннеле. Ни возле туннеля. Ни рядом с туннелем. Появишься – и я приду за тобой.

Я отчётливо представляю, как он приходит за мной, и киваю.

– Ладно, – говорит он. – Давай сюда.

Он показывает в сторону калитки. Открывая её, я замечаю, что в окрестностях много дешёвых забегаловок, в которых явно хватает крыс.

– Ты при оружии? – спрашивает Король.

Я замечаю, что за спиной появляется Носферату, и сначала поворачиваюсь к нему, затем к Королю крыс.

– Да.

– Пускай. Нас всё равно больше.

– Я смогу записать разговор?

– Нет. Теперь моя очередь задать вопрос. Почему мы с тобой говорим?

– Мой наниматель...

– Я слышал. Почему он хотел, чтобы мы с тобой говорили?

– Честно говоря, я бы списал это либо на любопытство, либо на паранойю. И вообще, я не думаю, что это нужно лично ему. У него есть собственный сир.

– Слушай. Если мы начнём говорить, я тоже задам тебе пару вопросов. И ты мне честно ответишь.

Я знаю, что он использует на мне Доминирование точно так же, как я использовал его при встрече с тем Носферату. Я отвечаю: “Конечно”. Что же ещё?

– Моя история очень проста и скучна. Я сам себе господин. Я свободен больше, чем Князь. Чем ты. Чем любой другой Лорд.

– Вам комфортнее жить с Носферату?

– Что, из-за этого? – он показывает на свою рожу. – Сынок, медицина не всегда лечила те заболевания, от которых сегодня можно избавиться парой таблеток. Но мне на это насрать, поверь. Вы играете в политику и месяцами разучиваете очередные изменения в правилах этикета. Я читаю книги, ем кого захочу и гуляю где нравится. Если ты думаешь, что мне хочется в ваше общество, ты явно чего-то не понимаешь. Но насчёт Носферату: не стоит их недооценивать. Благодаря им я научился трюкам, которых нет даже у Лордов. Я побывал в большинстве местных домов. Видел больше, чем можно представить.

– А вы обучаете их в ответ?

– Следующий вопрос.

– Кто вас так назвал?

– Да кто сейчас вспомнит... Но это достаточно подходящее прозвище для того, кто превращает мусор в свои владения. Вы всё время отказываетесь от бедных кварталов, выбрасываете на помойку старые вещи... Я пользуюсь тем, что вам показалось непривлекательным. В каком-то смысле я бы сказал, что я собираю с вас налоги.

– Но я должен спросить насчёт крыс.

– Да, я управляю крысами. Прекрасные помощники для таких, как мы. Им нужно одно, мне другое, так что мы никогда не дерёмся. А в итоге могу поклясться, что я знаю вещи, о которых не знаешь ни ты, ни твой наниматель.

– Вы ими питаетесь?

– Когда-то. Теперь уже нет.

Я открываю рот, чтобы задать следующий вопрос, но он меня останавливает.

– Достаточно. Теперь ответь на мои вопросы. Как ты обещал.

К тому моменту, когда я прихожу в себя, вокруг меня ни души. Я не помню, о чём он спрашивал. О *ком* он спрашивал. Сколько времени он копался в моём сознании?

Записки мёртвой девочки, часть VI

Не знаю, кто такие Перфекти. Судя по всему, этим названием ранние христиане называли что-то вроде просветлённого сознания или даже реинкарнации. Вообще, это больше похоже на буддизм, но источники утверждают, что термин относится к христианским течениям. Ладно, примем как данность.

Пожалуй, следует написать о другом. Раньше я бы даже не поверил, что пишу это, но... У меня появились сны. Не знаю, как у других Сородичей, но у меня почти никогда не бывало снов. Я просто закрывал глаза и чувствовал, что умираю. Не в смысле что мне было плохо или страшно, просто это всегда ощущалось как смерть. Каждое утро. И никаких сновидений.

Однако недавно я начал видеть грёзы. В них всегда присутствует свет и бледные руки, тянущиеся ко мне. Иногда я что-то вижу сквозь них. Иногда это даже не руки, а призрачные щупальца, или туман, или ещё чёрт знает что.

И перед тем как проснуться, я слышу смех. Девичий смех. А ещё чувствую давление на груди и какое-то время не могу пошевелиться.

Не знаю как это трактовать.

Ах да, у нас новое убийство – куда без этого. Шесть девочек в фургончике для путешествий. Одна взрослая, беременная. На бампере их кровью написано: “Мы сами себе хозяева. Наши тела принадлежат только нам. Убирайтесь к чёрту!” Вокруг летало столько мух, что я даже не сразу смог это прочитать.

Хардейкен совсем не появляется: я слышал, что он совещается с кем-то в Военной комнате. Ну и прекрасно. Может там и оставаться. Кстати, я даже не знал, что у нас есть Военная комната.

Хоть на этот раз обошлось без дурацкой записки.

Лорд Парадайз-Лейк

Это интервью было записано и расшифровано Геральдом Мехет, который работал на Князя Омахи. Князь отправил мне этот текст сразу после того, как я упомянул ваше имя.

Лорд Парадайз-Лейк сидит в своём трейлере в двадцати минутах езды от Омахи. На нём простенькая кепка и майка. Он сидит на стуле, широко расставив ноги и держа в руках баночку “Миллер Хай-Лайф”. Периодически он отхлёбывает из неё и затем выплёвывает пиво в корзинку с мёртвыми птицами, которая стоит у него под боком.

Его зовут Люк, и он жил в считанных километрах отсюда ещё когда был простым смертным. Его Обратили немногим больше десяти лет назад, когда ему самому было двадцать с небольшим. Однако с тех пор он обзавёлся тремя потомками и целой армией гулей.

Люк – поистине необычный Вентру, и не всегда в хорошем смысле. Начиная от его отношения к гулям как к братьям и заканчивая признанием, что ему долгое время не было известно само слово Вентру, он не устаёт удивлять меня каждой новой репликой.

Всё дальнейшее интервью представляет собой расшифровку аудиозаписи. Первый вопрос задаю я, затем начинает отвечать Люк. Эта цепочка не прерывается до самого конца. Итак, я спрашиваю:

– Тебе известно, почему я хотел с тобой встретиться?

– Потому что босс Омахи...

– Князь.

– Окей, никаких проблем. Князь хочет знать, чё тут и как обстоит.

– Ты знаешь, как мы на тебя вышли?

– Нет. Ну я, типа, догадываюсь. Перетёрли с одним из моих ребят, да? Ну, так всегда делают, когда надо кого-то найти. Не, ты не подумай, что мы тут бандосы или вроде того. Просто я у вас там не особо свечусь, в вашем городе.

– Ты считаешь Парадайз-Лейк своей территорией?

– А как же.

– И Князя ты не считаешь своим правителем?

– Правитель, ё-моё... Это моё место. Не, я знаю, что если он захочет, он придёт сюда с людьми и возьмёт что хочет, но если он не сделал этого раньше, не думаю, что это случится теперь. Ну и это, если он меня отсюда выкинет, ему придётся искать другого мне на замену. А лучше меня ему не найти.

– Но ты не считаешь себя его подданным?

– Слушай, я понимаю, к чему ты клонишь, но я не могу тебе ответить на такой вопрос, типа, однозначно. Я знаю, что если он выгрузит тут фургон со спецназом, нам всем конец. У него больше людей, он сильнее. Мы это знаем. Но его власть строится на том, что перед ним все отчитываются, ходят там к нему, просят о чём-то... Я этого не делаю. Ты первый чувак из Омахи, которого я тут вообще вижу. И уж точно я не пойду к нему.

– Спасибо за ответ. Могу спросить о твоём Обращении и о сире? Понимаешь, для нас странно было узнать о Вентру, который не торопится нам представиться или узнать нашу собственную генеалогию.

– [Смех]

– Что?

– Да это имечко, которым вы прикрываетесь. Ничего такого, просто оно, типа, глупое. Я о нём лет десять не знал, пока его не упомянул один из городских гулей.

– Твой сир не упомянул его?

– Не-е, он сказал, что раз он был Лордом, я тоже буду Лордом. Всё. Типа, семья Лордов. Ну, как... аристократия. Сам знаешь. Дворяне, типа.

– Он не рассказал о твоей новой фамилии?

– Упомянул вкратце. Он вроде как работает на босса в другом городе. Выполняет для него всякие поручения. Я его давно не видел. Когда вернётся, будет круто. Он парень что надо.

– Можешь назвать эту фамилию мне?

– Не.

– Может, я её знаю.

– Не, это наше личное.

– Ладно, как хочешь! Можешь рассказать о своём Обращении? Когда это было?

– Э, летом... девяносто второго или третьего. Да, третьего. Летом девяносто третьего.

– И тогда же ты Обратил собственного потомка?

– Ну, типа, да. Курт как раз заканчивал колледж для технарей. Он автомеханик.

– А как прошло само Обращение?

– Ну, сам знаешь. Страшновато. Поначалу.

– Нет, я имею в виду, как он это сделал? Каким способом?

– Э-э, братишка... ты бы ещё спросил, как я баб трахаю. Это чё, по-твоему, нормальный вопрос? Ну, это же личное, нет?

– Извини.

– Типа, а как ты ссышь?

– Я понял, прости. Давай сменим...

– Это просто, как бы сказать, грубо, что ли? Это же личное, братан. Это же личное?

– Да, это личное.

– Так нельзя.

– Извини... Могу спросить про других местных Лордов?

– Спроси, чё нет-то. Нас четверо. Я и трое моих пацанов.

– Ты Обратил всех троих?

– Ага. Слушай, я знаю, что есть этот ваш секретный кодекс...

– Маскарад?

– Он самый. Так что давай я не буду особенно распространяться.

– Ладно, как знаешь. А сколько им?

– Так... Курта я Обратил в девяносто шестом. Кита и Эрика следующим летом.

– Получается, что им как неонатам примерно по десять лет.

– Ого. Уже десять? Мне всё как-то казалось, что это было недавно.

– Это нормально.

– Без шуток?

– Без шуток. Большинству из нас кажется, что времена, когда их Обратили, ещё не кончились.

– М.

– Ты как к ним относишься? Как отец к сыновьям?

– Не, ты чё, братан. Я их знаю со старшей школы. Ничего с тех пор не поменялось. Технически мы всё те же четверо пацанов. Я так и к гулям отношусь, но они скорее как младшие братья или мелкие чуваки из родного района. А со своими я вроде как наравне. Ну или, знаешь, как если бы я бы в десятом классе, а они в девятом. Вот как-то так.

– А как ты, будучи Лордом, относишься к власти?

– К власти... Люди всё время треплются о власти, но они редко понимают, что это такое. Вот президента нашего возьми. Вроде у него куча власти, даже чемодан с красной кнопкой есть. Но у него постоянно какие-то совещания, он должен говорить определённые слова и избегать других, ему даже одежду подбирают для всяких особых встреч. То есть да, он может отправить военных в другую страну или закон новый подписать, но он не свободен. Это ж чертовски трудно, если подумать. А мы с пацанами свободны. Такого нет даже у президента. На нас не завязаны ничьи *ожидания*. Это дорогого стоит.

Записки мёртвой девочки, VII

Ты заплатишь за это, Хардейкен! Ты знал, что произойдёт.

Хардейкен – он позвонил мне впервые за несколько месяцев и сообщил о новом месте убийства на водонапорной башне. Конечно, я выслушал каждое его слово. Он же человек с планом. Он шериф. Он, чёрт возьми, Хардейкен!

Но когда я поднялся на водонапорную башню, оказалось, что убийство ещё не произошло. Оно *происходило*. Я затаился в укрытии, наблюдая за маленькой девочкой, которая делала что-то с трупом другой девчонки.

Это была она. Девочка из моих сновидений. Она почуяла меня и зашипела. Она напрыгнула на меня, сбила с ног и прошипела мне слова, которые звучали скорее у меня в голове, чем в её голосе.

Она стара. Может. Ещё не *древна*, но она стала одной из нас ещё до крестовых походов – и точно до Кассия.

Никакой записки на этот раз она не передала. Я сам стану запиской.

Она сказала, чтобы я озвучил это Хардейкену. Вот что мне нужно сказать:

– Они – духи возмездия, которые некогда были Сородичами. Они принадлежат к мёртвому клану, который некогда вступил с нами в войну. Они создали шестой клан, Перфекти, который должен был нас уничтожить. Но мы подчинили себе Перфекти, манипулируя им и обманом подталкивая воевать с собственными создателями. Так мы победили седьмой клан. Но их призраки возвращаются раз в несколько столетий, иногда даже тысячелетий. Седьмой клан мстит за то, что мы сделали с шестым. Их невозможно победить: можно лишь спрятаться с помощью ритуала, который я провожу.

Потом она схватила меня как тряпичную куклу и бросила вниз. Я упал на крышу невысокого здания и переломил хребет. Едва успел заползти в дверь чердака до восхождения света.

Лесная ведьма

Один из “сыновей” Ведьмы – то есть один из шести вампиров, которых она Обратила в последние сто сорок лет, – научил меня понимать собак. Видите ли, найти Ведьму самостоятельно невозможно – или почти невозможно. Для того чтобы она сама захотела с вами поговорить, вам нужно встретиться с одной из её собак и объяснить, чего вы хотите. По-собачьи.

У себя в Атланте Лесная ведьма известна любому Сородичу. Ей сотни лет, однако она – едва ли не единственный обладатель подобного возраста на земле, которого *любят* другие Сородичи. Женщины не боятся состариться, потому что хотят быть похожими на неё. Мужчины слушают её совета, как если бы она была мудрой бабушкой. Для Атланты Лесная ведьма – этакая темнокожая Баба Яга, достаточно сильная, чтобы её слово имело значение, но достаточно мудрая, чтобы держаться подальше от политики Проклятых.

Местный культ Аколитов, состоящий из трёх женщин и одного мужчины, поклоняется ей как воплощению Праматери. Однако сама Ведьма считает себя независимой. Это признали Герольд и Сенешаль Атланты, с которыми мне довелось о ней поговорить.

Один из её сыновей сказал мне, что если я хочу встретиться с Ведьмой, я должен поговорить с её псом. Не с конкретным, а одним из множества обитающих в этом городе. Одни из тех, чьими глазами она следит за доменом.

– Чтобы понять собаку, тебе нужно слушать не только ушами, а всей кожей, – сказал он. – Особенно теми местами, которые часто потеют. Если угодно, хоть яйцами.

Я прошёл долгую подготовку. Вскоре после этого на одном пустыре я услышал отрывистый собачий лай. Из того, что я научился разбирать – больше чувствовать, чем понимать, – это могло означать как “Я голоден”, так и “Здесь чужак”, что для собаки, в общем-то, одно и то же.

Я зашёл глубже в пустырь и увидел собаку, которая настороженно смотрела на меня.

– Я хочу повидаться с Ведьмой, – сказал я, надеясь ограничиться простой человеческой речью. – Мой наниматель интересуется её историей. В целом, мы хотим больше узнать о Вентру, которые не сидят в стерильных залах и офисах, а ищут свою дорогу.

Собака внимательно смотрит на меня.

– Я просто хочу поговорить. Ей не нужно говорить о том, что ей не интересно. Если это не очевидно.

Собака смотрит.

Я опускаюсь на четвереньки, чувствуя себя как идиот, и начинаю повизгивать по-собачьи. Хотя собака всё ещё продолжает смотреть на меня, её уши приподнимаются. Она реагирует на меня. Я это вижу, и на волне вдохновения у меня в голове как будто переключают рубильник. Я всё ещё думаю на родном языке, но мои мысли начинает выражать всё тело. Чувствуется, как внутри раскаляется кровь.

Собака расслабляется и поворачивается уходить. Немного помешкав, я следую за ней. Она проводит меня глубоко в лес. Ведьма сидит рядом с ярким светильником, в лучах которого её тёмная кожа смотрится как элемент чёрно-белой фотографии. Собака укладывается спать рядом с ней.

– Не беспокой её сегодня, – говорит Ведьма. – Я не обращаюсь к ним больше одного раза. Чего ты желаешь, золотце?

Местные не обманывали. Она действительно выглядит и говорит как добрая бабушка. Хотя опыт подсказывает мне, что нельзя слишком сильно рассчитывать на гостеприимство Сородича, что-то внутри меня расслабляется.

– Миледи, – говорю я и чувствую себя дураком. Как будто меня позвали играть в спектакле. – Я здесь затем, чтобы удовлетворить своё любопытство. Я изучаю наш клан и пытаюсь лучше понять нашу культуру. А вы совсем не похожи на городских Лордов. Пожалуй, я хочу узнать историю вашей жизни.

– А местные что говорят? – спрашивает она с мягкой улыбкой. – Не бойся, я не обижусь.

– Да, мэм, – отвечаю я. – Говорят лишь то, что вы ведьма. Что вы были здесь задолго до большого пожара в Атланте. Кстати, никто даже не упоминал, что вы Вентру, пока этого не сказал один из ваших потомков.

– Моих сыновей, – поправляет она с широкой улыбкой. – Ладно, пошли.

Она проводит меня в лесной дом... или мне лучше сказать: лесной особняк? Мы останавливаемся в прекрасном саду. Я не буду вдаваться в детали, но для глубинки леса место выглядит просто потрясающе.

Я оборачиваюсь и смотрю на Ведьму, которая как раз устраивается поудобнее в окружении цветов. У неё очень длинная шея. Длиннее, чем у любой женщины, которую я когда-либо видел.

– Знаешь, о чём я скучаю? – спрашивает она. – О готовке. И о еде тоже. Я долго училась хорошо готовить. Жаль, что теперь это потеряло смысл.

– Да, жаль.

– Ты присядь. Так что ты хочешь узнать?

– Вы Лорд?

– Лорд. Ни капли другой крови.

– Как давно вы здесь?

Она закатывает глаза.

– В Америку я прибыла до Войны за независимость. До этого жила в другой стране, в Англии. Там у меня был богатый любовник, о котором я мало что знала. Когда я тяжело заболела, он сказал, что не даст мне умереть. И он меня исцелил.

– Вы пересекли Атлантический океан, уже будучи Лордом?

– Да. Путешествия могут быть опасными, но с его деньгами мы могли обеспечить лучший корабль. Сюда я перебралась, когда мой любовник умер.

Я ловлю себя на мысли, что мой сир бы выругался, если бы услышал это слово. Мы не умираем. Мы уже мертвы.

Наверное, Ведьма чувствует это, потому что в ту же секунду добавляет:

– Можешь называть меня старомодной.

Я отмечаю про себя, что кого-кого, а её я бы не назвал старой. Вес пяти столетий практически не чувствуется ни в её голосе, ни в поведении, ни в выборе слов. Чего не скажешь о других местных Вентру.

– Я прибыла в Атланту, когда здесь ещё не было города, а люди называли это поселение Терминус. Тогда во всех окрестностях почти не было других Лордов. Призраки, Тени – да. Но не Лорды. Я заняла здесь добрую половину города и стала править ей как хотела. Когда остальные выбрали Князя, он сам предложил мне титул Иерофанта и договор о ненападении. На второе я согласилась, а Иерофантом не хотела быть уже тогда.

– Этот Князь...

– Давно умер. Интересный был мужчина.

– А почему вы не захотели править?

– Зачем? У меня есть мои сыновья. Конечно, они уже давно выросли и стали самостоятельными – насколько могут быть самостоятельными сыновья. Но всё же у меня хватает забот, и я этому рада. Пожалуй, это самое близкое к материнству, что у меня есть.

– А местные Аколиты вас не интересуют? Они считают вас кем-то вроде богини.

– Ну нет. Они просто дети. Им нужно вырасти, прежде чем мы сможем понять друг друга. Можешь им это сказать. А сейчас не мог бы ты мне помочь?

Я удивлённо смотрю на неё, поэтому она задаёт новый вопрос:

– Ты же не думал, что взамен на эту встречу я не попрошу тебя об услуге?

Я ещё какое-то время смотрю на неё. Потом киваю.

Она берёт мою руку и подносит её к губам. Затем медленно, осторожно погружает клыки в мои вены. Я испускаю стон, и она, не глядя, находит мой рот правой рукой. Её пальцы оказываются у меня на языке, и я понимаю, чего она хочет. Я прокусываю их и делаю глоток её густой, обжигающей крови.

– Ну, вот и всё, – говорит она мне на прощание. – Всего хорошего тебе, сынок. Ты уж присматривай за этими городскими Лордами.

Уходя, я вижу, как она поливает сады кровью из своих пальцев. Цветы и помидоры странным образом тянутся навстречу её Витэ.

Когда я прихожу сюда в следующий раз, дом выглядит пустым. Цветы увяли. Помидоров нет. Костлявая белая собака смотрит, как я ухожу.

Безумная архонтология

Не знаю, кто этот Арчер Эймс. Он знает много – невероятно много и недопустимо много, – однако никто из Лордов его не знает. Другое дело, что это может и не быть его именем. Арчер Эймс... “Нацелившийся стрелок”. Кем бы ни был этот болтливый засранец, когда я его найду, я вырежу его проклятый язык.

Я Тень, а не Лорд, и очень этим доволен. Вы называете себя королями, однако по большей части вы просто кучка безумцев. Нет, среди вас есть правители и буквальные Лорды, но на каждого из них приходится десятки претенциозных новичков, которые сами не знают, что делать со своей властью.

Первая ваша ошибка состоит в том, что вы любите публичность. Приятно попротираться задницей трон у всех на виду, не так ли? Вот только мы, Тени, веками правим доменами, стоя за вашими спинами. Вас свергают одного за другим. А мы остаёмся на своём месте.

Во-вторых, вы сами знаете о своей проблеме с адекватным мышлением. В лучшем случае вы просто немного “ку-ку”. В худшем от вас хочется бежать подальше, как от чумных или прокажённых.

В-третьих, вы обожаете свои фамильные ветви, практически не беря в расчёт сущность ваших “великих предков”. Слушайте, я не вижу проблемы в том, чтобы почитать настоящих героев. Но вы же цените *всех*, кто родился на свете до вас. Даже подонков. Или особенно подонков.

И наконец, вы ненавидите всех окружающих. Как вы сами не устали править такими презренными червяками, как мы? Или вы питаете какую-то тайную страсть к разведению крыс или пауков? Или вам нравится чувствовать себя единственными героями в вашем царстве имбецилов и калек?

Но ладно, я хотел поговорить не об этом. Давайте-ка взглянем на пару личностей, которые завоевали среди вас особую популярность.

Епископ Фурнье

О, Епископ Фурнье знаменит не только в родном домене. Мало кто среди Вентру о нём не слышал. Он всё ещё среди нас. Правда, даже другие Лорды сочли необходимым запереть его в собственном убежище, но казнить? Что вы! Нет, вы будете восхвалять его. Вы будете гордиться тем, что среди вас есть подобная знаменитость, даже если её приходится прятать за семью замками.

Для тех немногих из вас, кто не слышал о величайшем и мудрейшем Епископе Фурнье, поясню: месье Епископ очень любит детей. Он считает их ангелами Господними. Огромная часть его паствы и стада состояла именно из детей. Он трогал не всех, хотя те, кто вырос в его культе, уже никогда не возвращались к нормальной жизни. Но те, кого он избирал... о, не буду вдаваться в детали – боюсь, вас стошнит – но он возвращал их на небеса самыми изощрёнными способами, на которые был горазд его Благословенный мозг.

Убить Фурнье? Что вы! Вы сделали его знаменитостью. Конечно, вы заперли его в собственном убежище, но ведь вы также проделали дырку, через которую ему каждую ночь передают баночки с кровью. Это не миф, я видел собственными глазами.

О, я не упустил возможности поговорить с ним. Как и любые изверги, при личной встрече он даже не произвёл впечатление убийцы. Правда, когда я спросил его, кого он считает большим преступником – себя или Бога, допустившего эти убийства, – Фурнье потерял самообладание. На мгновение. Да, он практически сразу вернулся в своё типичное хладнокровное состояние, но на секунду я видел эти пустые чёрные глаза и оскаленные клыки в лунном свете.

Воистину душа общества. Благословенный Епископ. Лорд.

Думузид, Рыбак из Урука

Как и положено любому безумцу, Думузид отрицает, что он безумец. Однако если предположить, что если он прав, то мы должны свыкнуться с мыслью, что среди нас живёт правитель Шумера. Не Шумера в штате Нью-Джерси, а *Шумера* – цивилизации, которую считали древней ещё во времена Цезаря.

Признаю, что на этот раз даже вы, Вентру, не торопитесь верить в его легенду. В своём домене Думузид играет роль придворного шута. Ему этого не говорят, но он прекрасно справляется с этой должностью. Его даже любят.

Но когда я с ним встретился и посмотрел ему в глаза, я понял, что где-то в далёких глубинах своей души он знает правду. И он ненавидит этот мир. Будьте с ним, что ли, помягче. Возможно, он и не правил Шумером, но нам не нужен разгневанный Лорд пусть даже с тысячелетней – а не четырёхтысячелетней – историей существования.

Шериф Дэниел Диклер

Давайте-ка обратимся к редкому представителю вашего рода, которого уважаю я и которого ненавидите вы. Шериф Дэниел Диклер прославился в тот момент, когда он встал перед всеми Сородичами своего домена, собравшимися в Элизиуме, и рассказал им о тех преступлениях, которые совершил каждый из них. Он сказал, что они должны стыдиться и каяться. Разумеется, ему не дали договорить. Его прогнали из города, а когда неонаты стали втайне ему помогать, приводя добычу и узнавая секреты местных Сородичей, вы собрали Криптию и прикончили единственного честного Лорда в вашем домене.

Вы скажете, что это лишь частный случай, однако позвольте с вами не согласиться. Вы всё время так делаете. Вы говорите, что берёте на себя тяготы правления и принимаете за нас сложные решения. Нет. Сложное решение принял Диклер. Вы принимаете только самые лёгкие.

Когда вы замечаете, что посреди болота, которым вы правите, появляются первые цветы благородства и чести, вы топчете их ногами. Если вы не можете быть благородными, то не может никто.

Покойся с миром, Дэниел Диклер.

Девятеро из Флоренции

О, это моё любимое. Мне пришлось час пробираться по катакомбам, чтобы найти гробницы Девятерых Синьоров Флоренции. Вы сделали их героями. Восьмеро из них отвечали за одну из смертных Синьорий – своего рода городских гильдий. Один правил всеми остальными.

Но какими же коррумпированными сволочами вы были, Синьоры Флоренции! Вы поддерживали одного смертного правителя только затем, чтобы затем свергнуть его и поставить другого. А затем третьего. Вы убивали целые семьи, не желавшие жить под вашим гнётом. Я слышал, вы даже вступали в союзы со смертными чернокнижниками или демонами.

Какие благородные лидеры! Короли! Истинные лица своего рода!

Знаете, а давайте начистоту. Вы же любите и воспеваете их потому, что вам нравится, на какие зверства они пошли. Не только Девятеро – любые знаменитые Лорды. Вам нравится знать, что именно среди вас родились самые жуткие преступники и тираны. Худшие из худших, звери среди зверей, чудовища среди чудовищ.

Будьте искренни. Восхваляйте их за то, что вам нравится. Но не надевайте на них корону. От того, что вы короновали крысу, она не станет львом. Никто не верит в благородство Вентру, о котором вы постоянно болтаете. Признайтесь, что вы чудовища. Это будет честно. Все это примут, потому что все и так это знают.

А пока что вы коронуετε крыс.

Панегирик непрерывной цепи

Шериф Хардейкен дал мне этот диктофон, чтобы я взял интервью у каждого видного члена своей династии. Это вроде как инициация. Боже, не хотел бы я подвести их. И особенно Шерифа.

Я ни от кого не скрываю, что боюсь всего на свете. И всех на свете. Меня Обратили лишь потому, что так у нас заведено. В каждом поколении из нашей семьи выбирают одного мальчика – реже девочку, – который становится среди нас лицом своей эпохи.

Вся наша династия, теперь уже разросшаяся до нескольких близких семей, гордится тем, что от каждого поколения у нас есть по вампиру. В смысле, Сородичу. И все они живы. Ну то есть, не умерли. Куда бы вы ни отправились, у вас есть хорошие шансы встретить одного из нас. Они называют... ээ, *мы* называем это Непрерывной цепью.

Боже, я весь трясусь. Начну, пожалуй, с себя. Меня зову Ной Винсент Верхаген. Мне двадцать один, хотя я уже не сдвинулся с этой точки, потому что недавно меня Обратили. Я из клана Верхагенов, а теперь и из клана Вентру.

Не знаю, что о себе рассказать. Меня никто не любит. Я всего боюсь. Я был разочарованием для семьи, а теперь стану разочарованием для всех Вентру. И каждый из них убедится в этом, пока я буду брать у них это интервью.

Ладно, успокойся. Глубокий вдох! А. Мы же не дышим. Мне столькому предстоит научиться.

Ну, вперёд.

Эсмеральда Красс

- Госпожа.
- Дитя.
- Почему вы смеётесь?
- Почему ты дрожишь?
- Я... не знаю, с чего начать.
- Почему бы не начать с моего имени?
- Точно! Конечно! Госпожа, могу я ли спросить ваше имя?
- Можешь.
- Что? А! Ээ... Госпожа, как вас зовут?
- Эсмеральда Красс, сир Ноя Винсента Верхагена, потомок Эллиота Олдершоу. Ну, не тани. У тебя должны быть другие вопросы.
- Когда вас Обратили?
- Двадцать лет назад. В мои семнадцать. Меня выбрали лучшей девушкой своей семьи. Мы принадлежим к династии Крассов, идущей от *самого* Красса. Богатейшего человека Рима. Теперь мы живём и в других частях света, но эпитета “богатейшие” не утратили до сих пор.
- Расскажите мне об Олдершоу.
- Не буду. Это моё интервью. С Олдершоу ты поговоришь лично.
- Конечно, тысяча извинений! Что вы знаете о других Лордах?
- Дитя, тебе нужно научиться сосредотачиваться на своём собеседнике. Начнём с меня. Думаю, трёх ночей тебе хватит.

Три ночи она заставляла меня стоять на коленях перед ней, не сводя с неё глаз и даже не моргая. Иногда мы перемещались в другие комнаты. Утром ложились спать. Думаю, я усвоил этот урок.

Эллот Олдершоу

- Здравствуйте, мистер Эллот. Можете рассказать мне об Олдершоу?
- Конечно, братишка, почему нет? Диктофон с собой? Молоток! На ходу поговорим, ладно? Я сейчас в клуб. Ну, в этот знаменитый Лимуж. Ты в нём уже был? Нет? Ну, наверно, тебя сейчас и не пустят, но ты не вешай носа! Пройдёт немного времени, и сам

там побываешь. Странноватое место, дизайн как бы совмещает средневековые и современность. Но считается самым дорогим клубом в городе. Ладно, ты же спросить чего-то хотел.

– Можете ли рассказать о вашей семье?

– Олдершоу? Ну, мы из Англии. У нас всё давно идёт по одному графику. В любом поколении есть Мама и Папа. Только они. Мама и Папа трахаются и рожают детей. Девчонок обычно топят в реке или, не знаю, как-то ещё избавляются, я пока не вникал. Парней Обращают. Впрочем, одного парня и девочку оставляют, чтобы они нашли себе пару и стали для новых семей Папой и Мамой.

– А кем был ваш сир?

– Артур Скарсбрик. Вы смысле, пишется Артут Скарсбрик, вообще лучше называй его Скейсбрик, потому что он сам там говорит. Слушай, поговори с ним сам, а то боюсь опоздать. Ну, бывай, парень!

Артур Скарсбрик

Сир Артур мёртв. В смысле, в торпоре. Непрерывная цепь не нарушена, всё в порядке.

Когда я пришёл к нему в особняк, слуги рассказали, что произошло. Даже не знаю, верить или нет. Говорят, пару ночей назад он закричал у себя в комнате, а когда слуги ворвались внутрь, то увидели призрака, державшего его за горло прямо под потолком. Ну как призрака. Сквозь него можно было видеть, но лицо у него, говорят, было совсем не как у человека.

Женщина, с которой я говорил, утверждает, что призрак отпустил господина Артура и с воплем вылетел в окно. А на шее у того остались отпечатки. В смысле, не отпечатки пальцев, а следы. Всего три. Один напоминает римскую букву V, два других – букву I.

“VII”. Как-то мне жутковато от этого.

Дрюзельштоц

– Господин Дрюзельштоф, расскажите мне о вашей семье.

– Охотно. Когда моя семья только прибыла сюда, здесь были только леса и поля. Мои предки одними из первых в мире начали разводить этих очаровательных *англер саттельшвайн*. Свиной, которых ты видишь в моём загоне. Они немного крупнее, чем те, которые выращивают обычные люди. На то есть причина, сам скоро увидишь.

Но ты пришёл спросить меня не о семье, правильно? Ты хотел узнать, что значит быть Лордом. Быть Лордом, *дер юнге*, означает всегда понимать, что любой элемент работает на систему. Мы не всегда держим окружающих под контролем, однако мы знаем, что если нам нужно на что-либо повлиять, а мы не можем сделать это напрямую, нужно просто найти элемент той же системы и повлиять на него. Изменяя детали, мы изменяем систему.

Ты когда-нибудь видел, как свиньи едят живую добычу? Они всегда начинают с конечностей. Даже не так: с *кончиков конечностей*. Они едят стопы и ладони. Потом обгладывают предплечья и голени. Потом внутренности. Лицо они объедают последним.

Простые люди не выдерживают подолгу, а вот представителей нашего вида мои *швайне* едят живьём, и подолгу. Даже когда они поедают лицо, голый череп всё ещё мечется из стороны в сторону. Челюсти шевелятся, расходясь всё шире на рвущихся мускулах. Язык дёргается, пока *швайне* не добиваются и до него. Феерическое зрелище.

Вон, взгляни. Это мои помощники. Жертва, которую они несут в мешке, называет себя Ноктуку. Эта тварь пожирала моих людей. Она считала себя хищником. Но она – просто элемент системы, а систему можно обратить вспять. Вот что значит быть Лордо, *дер юнге*. Пойдём посмотрим, как всё пройдёт.

Световид

Герр Дрюзельштоц отправил своих людей со мной. Они не говорят по-английски, а мой немецкий совсем уж хромает. Но я так понял, что сир герра Дрюзельштоца,

Световид, сейчас в торпоре. Он спит в дальней части этого острова в Балтийском море. В кургане.

Пожалуй, я остановлю запись, пока мы не доберёмся до Световида.

Вот, это снова я. Световид... он совсем иссох. В смысле, я раньше такого не видел. Настоящий покойник. Он лежит на каменном столе, обмотанный кожаными ремнями. Наверное, чтобы не свалился во сне.

Помощники Дрюзельштоца только что ушли. Покурить, наверное. В общем. Световида на самом деле зовут Святой Витий. Его Обратили вскоре после падения Камарильи. Это такая римская организация, если я правильно понял. Кое-кто даже поговаривает, что он один из последних выживших членов династии Юлиев. Мёртвых Юлиев. Сам Световид... секунду. Какой-то звук.

Чёрт, постойте!

О Господи! Они меня заперли. Я не успел добежать. Они же видели, что я ещё здесь? Что делать? Что мне делать? Что делать? Господи, что делать?

Ладно, успокойся. Мы как-нибудь... мы... Световид. Господи, его рот. У него открыт рот. Господи, он же не был открыт. Он не был открыт, когда мы пришли... Губы. У него влажные губы.

Он дв... движется... *Боже, он движется...*

Комментарий Хардейкена

Мы не знаем, что произошло. Судя по записи, Световид пробудился, хотя я не понимаю, как это могло произойти.

Но с непрерывной цепью всё в порядке. Ной жив. Во всяком случае, мы получаем от него записи. Нет, мы пока не выяснили, кто их нам подбрасывает. Но как минимум мы получили ту запись, которую вы только что прослушали.

Остальные заполнены в основном белым шумом. Иногда что-то слышно, но неразборчиво. Только глухой шёпот. Мои люди над этим работают.

Правда, некоторые слова мы уже разобрали, потому что они повторяются на каждой записи. Если мы правильно понимаем, Ной говорит, что “они вернулись”.

Конец записок мёртвой девочки

Всё кончилось так, как вы и просили. Автор записок, Брайс, встретился с дочерью Кассия. Он пришёл ко мне и передал её послание. Говорил он, но я слышал её голос. Парень сейчас не в себе. Я запер его у себя в убежище под тяжёлым замком. Ключ только у меня.

Прошлой ночью “мёртвая девочка” провела последний ритуал. Как мы и ожидали, жертвами стали представительницы трёх поколений: бабушка, мать и дочь. “Мёртвая девочка” срезала с них одежду, а затем кожу.

Она оставила нам последнюю записку. Прилагаю на случай, если понадобится для вашего архива.

Раз служить,
Шериф Хардейкен.

*Бруха, стрыга, неясить, лилиту, ламия, стрыгоайка
Они вернулись,
Но я в безопасности.*

Малкавия

Я часто думаю о Корабле дураков. Не только о одноимённой поэме Бранта и картине Босха, но и о жутковатой традиции Тёмных веков, когда всех безумцев погружали на лодку и отправляли их в путь по реке. Иногда они добирались до следующего города, где разбегались по окрестностям или где к ним подсаживали новых душевнобольных, но чаще они просто тонули.

Порой мне кажется, что весь наш клан – такой же корабль, несущийся в неизвестность. О да, я слышал от молодых Вентру, что Малкавия якобы появилась с одной из родословных девятнадцатого столетия. Они правы только в отношении имени. Сегодня мы чаще используем слово “Малкавия”, а не “Безумие” или “Недуг”. Особенно распространению термина помогло составление текста “Кодекс Малкавия”, или “Завет Малкавиан”, который не так давно написала целая группа авторов, заражённых этой болезнью.

Однако само явление было с нами испокон веков. Во многих доменах античного мира к ним относились так же, как к смертным оракулам. В мирное время их избегали, однако с наступлением перемен Сородичи со всего города стекались к лачугам безумцев, слушая их пророчества или пытаясь найти скрытый смысл в их бессвязных речах. Большинство из них были просто душевнобольными, но некоторые, по всей видимости, обладали мистической силой, недоступной обычным Сородичам. Я могу с полной уверенностью утверждать, что среди них действительно встречались пророки и мистики, не знающие себе равных ни среди Проклятых, ни среди смертных.

Хотя я многое знаю о Малкавии сам, могу с особенной гордостью заявить, что мой гуль в Беркли связался с целой котерией кочевых Малкавиан, которые оказались на удивление дружелюбны. Похоже, они сами давно хотят быть услышанными. Вот что они рассказывают о себе.

Большинство Малкавиан считают свой Недуг своего рода проклятым даром богов. Сегодня эта интерпретация обладает большим количеством вариантов: кто-то говорит о пришельцах, кто-то о соприкосновении с неким высшим миром, а кто-то – о благословении святых. Однако в той или иной степени Малкавиан чувствуют себя особенными. Это не всегда проявляется в заносчивости: многие знают, что они больны, и тягостятся безумием своего разума. Однако они видят и понимают то, что недоступно сознанию окружающих.

Что важнее всего, Малкавия заразна. Её можно подхватить, словно вирус. Особенно к этому предрасположены Вентру, однако наш клан не одинок в этом благословенном несчастье. Любой Сородич может стать одним из Малкавиан, хотя, если верить легендам об одноимённой родословной, именно нам выпала честь основать целую династию безумных Лордов.

Предположительно Сородич может заразиться Малкавией даже во время длительного питания от безумного смертного. В сущности, одна из теорий о возникновении этой болезни (по крайней мере, в Европе) гласит, что целая группа Малкавиан зародилась после того, как странствующая котерия Проклятых перехватила Корабль дураков и начала питаться его безумной командой на протяжении долгих ночей.

Несмотря на свой Недуг, многие Заражённые – как ещё называют Малкавиан – на удивление эффективны и даже вменяемы. Князья и Регенты разных доменов неоднократно давали Безумцам права на “облагораживание” всевозможных приютов и клиник для их превращения в идеальную охотничью территорию для вампиров.

И да, некоторые Сородичи становились Малкавиан с самого Обращения. По всей видимости, нечто подобное происходит только в тех случаях, когда вампир ещё в своей человеческой жизни страдал от душевных заболеваний. Я лично знаю двух пациентов Бедлама, которых из нездорового интереса Обратили другие Сородичи (неудивительно, что они сами вскоре сошли с ума).

Кроме того, ходят слухи, что к появлению Заражённого может привести Обращение аутиста или человека с генетической предрасположенностью к безумию, даже если он не был душевнобольным до вступления в Пляску смерти. И наконец, если верить одной из популярных теорий, Малкавию неизбежно подхватывает тот, кого Обратил Сородич, уже страдающий от Недуга.

Предположительно, своим названием Малкавия обязана русскому Сородичу по фамилии (или прозвищу) Малкав. В одном документе, датирующемся ещё 1600 годом, ему приписывается имя Григорий, однако я не встречал его в других текстах. Сам документ был написан по следам целой эпидемии Недуга, обрушившейся на Сородичей в Бухаресте. Если верить дневнику Сенешаля этого города, около 1750 года Князь Бухареста приказал проткнуть Григория колом и похоронить его рядом с городом. Узнав об этом, польский член Ордо Дракул, некто Поляский, послал двух гулей выкопать тело Малкава и доставить его к нему. Трудно сказать, почему эта операция заняла столько времени, но лишь к 1773 году Поляский заполучил свой живой артефакт.

Судя по дневнику самого Поляского, в ходе своих исследований он сделал следующие выводы. Прежде всего, он описал изменение, коснувшееся разума Малкава в ходе торпора. Если первые упоминания этого Безумца изображают его как вполне вменяемого индивида, то в записях Поляского фигурирует уже агрессивный и кровожадный монстр.

Во-вторых, Поляский заточил Малкава в темнице на сорок лет. На протяжении этого времени он прибегнул ко всем известным ему способам лечения душевнобольных, включая крайние меры вроде погружения пациента в холодную воду и его опьянения опиумом. С 1798 по 1799 годы Малкава и вовсе держали в бассейне с дождевой водой, закрывая только от солнца в дневное время.

В-третьих, Поляский пришёл к убеждению, что Недуг передаётся через бактерии наподобие тех, которые вызывают у смертных сифилис и бешенство, хотя и сделал предположение, что для восприятия вируса другой Сородич должен не только войти в контакт с кровью Безумца, но и обладать определённым складом ума. Именно Поляский впервые ввёл термин “малкавия” (поначалу со строчной буквы).

Также Поляский отметил наличие у Малкава особых психических сил, которые временно изменяют сознание жертвы (а потому делают её более восприимчивой к заболеванию).

Мы мало знаем о том, что произошло с Поляским после этого. Один из двух его гулей, Обращённый Малкавом в 1818 году, утверждает, что Поляский бежал из Варшавы в страхе перед своим пленником. Малкав выбрался из темницы вскоре после этого, убедив гуля открыть ему дверь благодаря способностям Лорда (которым он, безусловно, являлся).

Но миру всё ещё мало что было известно о Малкавии до 1900 года, когда Григорий сам появился в обществе Проклятых. Произошло это в Москве, куда он прибыл в намного более вменяемом состоянии, чем можно судить из документов Поляского. С собой он привёз архив с исследованиями своего истязателя, утверждая, что он хочет найти лекарство. И вот уже после этого слово “малкавия” начало постепенно распространяться по всей Европе.

Когда в 1925 году швейцарская котерия Ордо Дракул начала изучать психику Сородичей научными методами, она окончательно популяризировала это название, заодно задав традицию его написания с большой буквы.

Предполагается, что в настоящий момент сам Малкав находится в сибирской психушке, которой он правит изнутри. Доктора продолжают исследовать его разум, хотя слухи и не уточняют, идёт ли речь о Сородичах, гулях или о ком-то ещё.

Побочная заметка: в современные ночи многие молодые Сородичи шутят на тему сходства малкавии с сифилисом. Я понимаю, что это может показаться забавным в первые несколько раз, но Боже мой, неонаты! Эта шутка навязла в зубах ещё в 1675 году, когда её запустил второй граф Рочестера Джон Уилмот (у меня нет сведений о том, что он был Заражённым, но он точно был Сородичем).

Последнее письмо

Лишь занимаясь этими поисками по вашему указанию, я начал задумываться о своих собственных интересах. Почему я вообще взялся за это исследование? Что из этого я делал по собственной воле, а что внушила мне ваша воля?

*Если вы снова попытаетесь вторгнуться в моё сознание подобно печати, оставляющей след на мягком воске, вам лучше сразу меня убить.
Прощайте. Больше вы обо мне не услышите.*

Приложение: Лорды в игре

Адрестои (родословная)

Пойду закушу, чтобы укрепить свою волю

Пол Гордон основал свою родословную в Детройте, в восьмидесятые. Он видел, как с каждым днём увядают великие автостроительные компании, а люди покидают родные дома в надежде найти себе место получше. На фоне всей этой разрухи он научился преодолевать страх силой воли. Он отказался становиться простым рабочим подобному собственному отцу и вместо этого пошёл в юридическое училище.

Там он быстро нашёл друзей, которые свели его со своим общим знакомым – тоже человеком дела. Увы, последний решал юридические вопросы лишь по ночам. Он был достаточно молодым вампиром (хотя и достиг возраста служителя) и всё ещё не отвык опираться на плечи смертных. Поэтому в Гордоне он увидел отличного помощника. Когда пришло время Обращения, Пол быстро смекнул что к чему и дал вампиру отпор. Конечно, Сородич взял над ним верх, но только после отчаянной борьбы, в которой Гордон проявил себя человеком железной воли.

Вскоре после Обращения Гордон напал на своего ненавистного сира и осушил его до капли. В этот момент он почувствовал нечто такое, что редко случается с Проклятыми: желание поделиться своей новой силой. Он поменял своё настоящее имя на мифологическое, назвавшись Адрестом в честь сына Мидаса. С тех пор он уже Обратил несколько смертных и научил их бесстрашию. Все Дети Мидаса отличаются сильной волей, хотя по странной прихоти Витэ они должны питаться несколько чаще, чем другие вампиры.

А это делает охоту одним из ключевых ритуалов Адреста и его молодых потомков. Помимо еженощной охоты, они собираются вместе каждую неделю, чтобы загнать добычу в угол и насытиться её свежей кровью.

Династические Дисциплины: Анимализм, Доминирование, Сопротивление, Превращение

Прозвище: Бесстрашные, иногда Дети Мидаса

Слабость: Любая Дисциплина, требующая траты Воли, вместо этого требует от Адрестои равное количество очков Витэ. Тем не менее, Адрестои всё ещё могут вкладывать Волю в улучшение самой проверки на активацию Дисциплины.

Новые Преимущества

Низкорожденный (от • до •••)

Эффект: По тем или иным причинам другие Вентру считают клан или родословную вашего персонажа жестоким, страшным или недостойным. Тем не менее, в отличие от других представителей своей династии, персонаж умеет использовать своё происхождение для давления на окружающих. Всегда, когда это уместно, он может добавить очки этого Преимущества в качестве бонуса к Социальным проверкам.

Недостаток: Низкорожденного протагониста судят по стереотипам. Каждый раз, когда персонаж подтверждает эти стереотипы, используя своё Преимущество, Рассказчик получает возможность наложить равнозначный штраф на одну из последующих Социальных проверок (не обязательно в этой сцене). По этой причине игрок может сознательно понизить бонус от этой характеристики в той или иной ситуации.

Высокорожденный (от • до •••)

Эффект: Полный аналог первого Преимущества с соответствующими эстетическими изменениями. Рассказчик всё так же может налагать штраф на Социальные проверки такого вампира, если он начинает действовать недостойно (с точки зрения традиций его династии).

Унаследованная воля (•• или ••••)

Требования: Вентру, Доминирование • или Анимализм •

Эффект: Сир вашего персонажа обладал железной решительностью или особенно сильной кровью. На втором уровне этого Препимущества вампир добавляет +2 дайса к защите от Доминирования или Анимализма (по своему выбору), если эту способность обрушивает на него Вентру. На четвёртом уровне клан агрессора не имеет значения.

Утончённый вкус (от • до •••)

Требование: Сородич

Эффект: Персонаж способен многие узнать о человеке или вампире по его крови. Попробовав всего каплю Витэ или человеческой крови, персонаж может добавить очки этого Препимущества к любой соответствующей проверке (вроде попытки узнать клан жертвы).

Кроме того, по усмотрению Рассказчика обладатели второго и третьего уровней этого Препимущества могут пройти проверку Сообразительности + Медицины + Утончённого вкуса со штрафом -2 (или выше) и в случае успеха узнать о наличии ядов или болезней в такой крови.

Проклятие Вентру

Новые Недостатки

Завышенные ожидания (Социальный Недостаток): Ваш персонаж смотрит на мир через призму своих представлений о том, каким он должен быть и как должны вести себя окружающие. При общении с индивидами, не соответствующими его представлениям о должном поведении, он утрачивает -2 дайса от Социальных проверок.

Невозможные стандарты (Ментальный Недостаток): Персонаж требует от себя соответствия стандартам, достижение которых – по тем или иным причинам – ему попросту недоступно. Он получает опыт всегда, когда это заставляет его попытаться хотя бы приблизиться к этим стандартам.

Новые отклонения

Зависимость от животных (умеренное или тяжёлое): Ваш Сородич не доверяет другим вампирам, однако по очевидным причинам не может подолгу проводить время с людьми. Поэтому он живёт в окружении животных, которых считает честными и открытыми созданиями.

Умеренный вариант этого отклонения заставляет вампира проходить проверку Решительности + Самообладания в каждой сцене, в которой он не видит и не слышит животных – даже птиц. Провал в этой проверке налагает штраф -1 на любые броски в текущей сцене.

Тяжёлый вариант заставляет вампира паниковать, когда он оказывается в любом месте, в котором его не смогут услышать животные. В этом случае он проходит проверку Решительности + Самообладания и в случае провала активирует третью силу Анимализма, чтобы проверить, слышат ли его животные.

Чувство неуязвимости (умеренное или тяжёлое): Персонаж слишком сильно полагается на искусство Сопротивления. Когда он получает первое очко летального или аггравированного урона в текущей сцене, он проходит проверку Выносливости + Самообладания.

В случае провала умеренный вариант этого отклонения просто убеждает вампира в том, что ничего страшного не происходит. Он не может перейти в Уклонение, не вложив в это очка Воли. Тяжёлый вариант заставляет протагониста продолжать даже самые опасные действия (например, схватку или попытку остановить разгоняющийся автомобиль), если только он не вложит пункт Воли в преодоление своей иллюзии.

Подсознательный бунт (тяжёлое; развитие Иррационального мышления): В любом приказе со стороны начальства Сородич видит угрозу его свободе. Когда ему приказывают что-либо сделать, он проходит проверку Решительности + Самообладания и в случае провала получает штраф -5 на любые попытки выполнить это действие.

Одержимость памятью (умеренное или тяжёлое): Персонаж подозревает, что кто-то изменил его воспоминания. Если он проваливает Ментальное действие, связанное с восстановлением определённых фактов по памяти, он получает штраф -2 к дальнейшим Ментальным проверкам до конца сцены, поскольку в глубине души полагает, что ему могли внедрить иное восприятие мира. Тяжёлый вариант этого отклонения заставляет протагониста настойчиво искать факты, доказывающие, что ему не изменяли память хотя бы в текущем вопросе. Штраф -2 сохраняется *после* первой сцены. Для избавления от него вампир должен пройти продолжительную проверку Интеллекта + Самообладания, делая по броску раз в минуту и стремясь набрать 10 успехов.

Привередливость (умеренное или тяжёлое): Персонаж считает, что он должен питаться только определёнными жертвами. Например, он может верить, что только детская кровь подходит для его организма или что людьми можно питаться только в определённом последовательности (“Нет! Это нечётный понедельник! Мне нужен атлет с крепкой спиной! Придержите этого очкарика до субботы, когда я смогу насладиться кровью учёного”). Если только речь не идёт о критической ситуации, персонаж не станет выпивать больше двух очков крови из неподходящей жертвы.

В тяжёлом случае убеждения Проклятого пересиливают даже голод его Зверя. Если он не найдёт подходящей добычи, то “осквернению” своего тела он с радостью выберет торпор.

Практики

Благословение вестника

(Доминирование •••, Сопротивление •)

Вампир благословляет своего вестника на безопасный путь. Если в дороге на вестника попытаются напасть, вампир автоматически проходит проверку Внушительности + Запугивания + Доминирования против Внушительности + любого боевого Навыка жертвы. В случае успеха вампир отпугивает нападающего, и тот отступает. Для отражения каждой атаки вампир вкладывает по очку Витэ. Максимальное число подобных проверок равно Сопротивлению вампира (таким образом, хотя Практику можно освоить уже на первом уровне Сопротивления, многие Лорды развивают эту Дисциплину до более высоких ступеней).

Если вестник нападёт на кого-нибудь сам или просто заговорит, благословение спадёт.

Освоить эту Практику можно за 15 очков опыта.

Послание

(Доминирование ••, Ясновидение ••)

Пройдя проверку Внушительности + Экспрессии + Доминирования, вампир “записывает” своё сообщение в ауре посланника. Он не произносит никаких конкретных слов, вместо этого формулируя лишь свои общие намерения. С этого момента адресат сможет прочитать послание Сородича в ауре посланника – разумеется, если сам будет обладать ясновидческими способностями. Эффект остаётся в силе на протяжении нескольких месяцев, точное число которых равно успехам, полученным при броске активации.

Освоить эту Практику можно за 15 очков опыта.

Кровавые гончие (Анимализм •••, Сопротивление •)

Вампир создаёт себе одного или нескольких короткоживущих охотников за кровью. Как правило, в роли таких охотников выступают крупные псы или волки (Размером не менее 4).

Вложив очко Воли, вампир проходит продолжительную проверку Внутренности + Знания животных + Анимализма, делая по броску раз в десять минут и стремясь накопить от одного до пяти успехов по собственному выбору. Как только он набирает эти успехи, животное срывается с места и ищет ближайшую жертву. Убив её, гончая выпитывает несколько очков Витэ, равное успехам вампира при броске активации. Затем она возвращается к кровососу, который получает Витэ, выпивая кровь своего добытчика.

Освоить эту Практику можно за 15 очков опыта.

Малкавианский недуг

Как уже говорилось ранее, своим названием Малкавия обязана самому известному из своих разносчиков – русскому Лорду Малкаву. Разгневанные, возмущённые, а порой даже напуганные его поведением, многие Вентру начали приписывать ему сотни пороков, заполняя пробелы в биографии этого Лорда своими домыслами. Говорили, что он предатель, наказанный за свои грехи. Его называли насильником и дияблериком. Кто-то говорил о мутациях. Кто-то утверждал, что он был наказан самим Господом за отсутствие человечности (и Человечности).

Это породило среди многих Лордов миф о том, что Малкавией можно заразиться не от другого вампира, а от пороков и слабостей своей души. Разумеется, это не так. Маловероятно, чтобы Малкав был первым Безумцем своего клана. Некоторые истории даже предполагают, что где-то в мире покоятся тела древних Малкавиан, которые ждут своего часа, чтобы проснуться – и переделать мир на свой лад.

Заражение

Чем бы ни была Малкавия, с игромеханической точки зрения её можно подхватить тремя способами:

- **Через Поцелуй:** Малкавия распространяется не через кровь, а через Витэ, даже если это предельно близкие вещества. Всякий раз, когда незаражённый вампир или гуль (но не обычный смертный) делает глоток Витэ Малкавиан *либо* когда Заражённый вампир кусает простого смертного, здоровый персонаж проходит проверку Решительности + Выносливости. Он делает по одному броску в сутки, стремясь накопить сумму успехов, равную Силе крови Малкавиан.

Смертный или гуль, проваливший хотя бы один бросок, получает умеренное отклонение или усугубляет уже существующее отклонение до тяжёлого. Это отклонение остаётся с ним на протяжении стольких дней, сколько ему не хватило до победы в вышеописанной проверке.

Если на протяжении этого срока здоровый вампир укусит такого смертного или гуля, он также должен будет проходить вышеописанную проверку, однако необходимая для победы сумма в его случае понизится на -2.

Если такую проверку проваливает Сородич, а не живой человек или гуль, он заражается Малкавией навсегда. Тем не менее, вопреки популярному среди Проклятых заблуждению, если Малкавиан кусает другого вампира, это не гарантирует, что последний подхватит Недуг. Такой вампир просто должен будет пройти соответствующую проверку.

- **Через Обращение:** Если Малкавиан Обращает смертного или служит Авусом, принимающим другого Сородича в определённую родословную, он автоматически наделяет того Малкавией.

- **По усмотрению Рассказчика:** Малкавия интересна потому, что это проклятие. Это загадочная болезнь, которая не подчиняется биологическому и химическому изучению.

Безусловно, Рассказчик может придумать конкретный ответ на вопрос о происхождении Малкавии, и в пределах текущей истории этот ответ будет единственным истинным. Тем не менее, ни в одной книге Мира Тьмы вы не найдёте “официального” или “каноничного” ответа на этот вопрос. Это загадка. Тайна. Малкавию может вызвать всё что угодно.

Подумайте о проклятых артефактах. О заражении через пепел умершего Безумца. О наказании за поистине ужасающие грехи. Однако помните, что если вы хотите заразить Малкавией одного протагонистов, хорошим тоном будет попросить разрешения самого игрока.

Заражение через Помешательство

Это миф. Малкавиан не способны передавать Недуг через Помешательство, иначе добрая половина Проклятых уже была бы заражена. Другое дело, что об этом не знают сами вампиры. Персонаж, оказавшийся под воздействием Помешательства, может стать изгоем в местном домене *по меньшей мере* на несколько месяцев.

Эффекты

- Как уже говорилось, любой вампир может заразиться Малкавией, даже если её и считают историческим проклятием Вентру.
- Заражённые получают штраф –2 при проверках на получение отклонений. По очевидным причинам, Лорды этого недостатка не получают, поскольку он у них уже есть.
- Каждый Малкавиан обладает тяжёлым отклонением, которое невозможно ни вылечить, ни смягчить.
- Начиная с шестого уровня Силы крови, Малкавиан приобретает ещё одно отклонение, на этот раз умеренное. При понижении Силы крови оно исчезает.
- По усмотрению Рассказчика, “основное” (вечное) отклонение Заражённого может проявляться не в каждой сцене. Проклятие Недуга заключается в том, что Малкавиан никогда не избавится от своего отклонения, однако оно не должно замедлять игру беспрерывными вспышками умопомрачения.

Более того, Рассказчик может и вовсе заявить, что ключевое отклонение персонажа проявляется только в критических ситуациях: когда у него заканчиваются очки Воли, когда он допускает полный провал, когда проигрывает в эмоционально значимом состязании и так далее.

- В дополнение к вышесказанному, Рассказчик может позволить игроку вложить очко Воли, чтобы пройти проверку Решительности + Самообладания. В случае успеха он очищает сознание до конца сцены.
- И наконец, все Малкавиан получают уникальную Дисциплину *Помешательство*, которая считается для них клановой.

Малкавия и родословные

Хотя Малкавия наделяет вампира дополнительной Дисциплиной и чередой слабостей, она не делает его членом определённой “родословной безумцев”. Тем не менее, как уже говорилось, если после вступления в родословную Заражённый становится Авусом, он рискует распространить болезнь среди новых членов своей династии – а это может сделать её “родословной безумцев” в масштабе конкретного города.

Кроме того, если вампир уже состоит в родословной к моменту заражения, он может получить необычное отклонение, связанное с экзотической слабостью или Дисциплиной своей династии.

Тем не менее, при желании вы можете превратить Малкавиан в новую родословную, просто записав Помешательство в её династические Дисциплины, а все негативные эффекты, перечисленные в этом разделе, – в её слабости.

Ничто не мешает вам оставить внеклановый характер Малкавиан, сделав эту династию редкой межклановой родословной (а это даёт отличную зацепку для формирования

котерии). Тем не менее, вы можете несколько изменить предложенную здесь историю Малкавиан, сделав их родословной Дэва, Носферату, Гангрел или другого клана Сородичей.

Помешательство

• Страх

Жертва чувствует панику или отчаяние. Её страхи выползают наружу. У смертных эта способность нередко вызывает депрессию или шок, в то время как у вампиров появляется чувство надвигающегося Ротшрека.

Для активации этой силы Малкавиан проходит проверку Внушительности + Эмпатии + Помешательства – Самообладание цели

Успех позволяет Заражённому воспользоваться одним из двумя близких вариантов. В первом случае жертвой должен быть другой вампир. Он проходит проверку Решительности + Самообладания из раунда в раунд, пока не накапливает столько успехов, сколько получил и Малкавиан. При этом Малкавиан может делать по новому броску активации этой силы из раунда в раунд, повышая требуемое число успехов для жертвы. Если жертва откажется тратить очередной раунд на сопротивление своему страху, она впадёт в Ротшрек.

Второй вариант этой способности активирует любое подходящее отклонение жертвы. В некоторых ситуациях жертва может заметить, что её отклонение вырвалось из-под контроля только в присутствии Заражённого. Если Рассказчик не против, такая жертва получает возможность пройти проверку Сообразительности + Эмпатии или Самообладания. В случае успеха она понимает, что хотя бы гипотетически источником её страха мог стать Малкавиан.

В пределах одной сцены персонаж может использовать эту силу несколько раз, точное число которых ограничено его Внушительностью.

•• Безумное просветление

Вампир добровольно заглядывает в свои внутренние кошмары и грёзы, во многом напоминающие видения торпора. Тем не менее, среди этих безумных образов он начинает воспринимать повторяющиеся знаки, запахи, звуки и любые другие элементы, которые могут обладать скрытым значением. Наблюдая за своими грёзами, он проходит проверку Сообразительности + Оккультизма + Помешательства и вкладывает очко Витэ.

В случае успеха он получает один из следующих эффектов по своему выбору:

- бонус +3 к любому нетренированному Ментальному Навыку
- +1 к нетренированному Социальному или Физическому Навыку
- +2 к Инициативе
- Чувство опасности на одну сцену
- +2 к проверкам восприятия.

В дополнение к одному из этих бонусов, Малкавиан может узнать что-то об окружающем мире, собственной личности или даже будущем. Не бойтесь наделять персонажа способностями, связанными с *другими сеттингами* Мира Тьмы. Например, персонаж может увидеть Тень (ненадолго – всего на несколько раундов) или получить Внутренний взор из **Mage: the Awakening** до окончания сцены.

••• Колебание

Персонаж заставляет противника усомниться в твёрдости собственного разума. Например, он может войти в комнату и задаться вопросом: “Разве она не была красной? Я же помню, что эта комната всегда была красной!” или “Я не оставлял здесь эти вещи! Кто был в моём доме?” Со временем жертва начинает подозревать, что она сходит с ума или хотя бы столкнулась с призраком.

Активация силы требует очка Витэ. Вампир проходит проверку Внушительности + Запугивания + Помешательства, делая по броску раз в десять минут. На протяжении всего этого времени персонаж должен наблюдать за жертвой, изучать её поведение и проецировать на неё свой Недуг. Всего нужно накопить сумму успехов, равную Воле жертвы.

В случае успеха вампир заставляет жертву сомневаться в окружающем мире так, как это описано выше. Но что ещё важнее, когда она просыпается в следующий раз, она автоматически проходит проверку Решительности + Сообразительности или Интеллекта (по выбору самого вампира). Успеха в этой проверке накапливаются. Только когда она набирает сумму успехов, равную Манипулированию + Запугиванию Малкавиан, ей удаётся избавиться от вышеописанного эффекта. Если за этот период Малкавиан снова накладывает на неё эту силу, целевая сумма успехов, которую должна набрать жертва, повышает ещё на +2 до максимального значения 20.

•••• Осколки сознания

Вложив очко Воли и пройдя проверку Манипулирования + Эмпатии + Помешательства – Решительность или Самообладание жертвы (в зависимости от того, что *выше*), вампир выбирает одно из двух преимуществ. Либо он добавляет к определённым действиям бонус, равный полученным успехам (не более +5), либо налагает аналогичный штраф на действия жертвы.

Бонус можно добавить к Сообразительности, Решительности, Самообладанию или психической Дисциплине наподобие Ясновидения, Величия, Доминирования и Кошмара. Штраф можно наложить на Манипулирование, Сообразительность, Ловкость или Интеллект жертвы.

По умолчанию, эффект остаётся в силе на протяжении нескольких раундов, равных Внушительности Заражённого. Тем не менее, вампир может принять добровольный штраф к активации этой силы для увеличения длительности. Штраф -2 позволяет продлить эффект до конца сцены. Штраф -5 продлевает силу на всю ночь.

••••• Деменция прекокс (Преждевременная деменция)

Вложив очко Воли, вампир проходит продолжительную проверку Внушительности + Эмпатии + Помешательства против Решительности + Внушительности жертвы, стремясь накопить число успехов, равное Воле противника. Каждый бросок занимает раунд психической борьбы.

В случае успеха персонаж внушает жертве любую идею по собственному усмотрению. Какой бы безумной или абсурдной она ни была, в ближайшие 24 часа жертва начинает исходить из этого убеждения.

Она верит буквально чему угодно. Вампир может внушить женщине идею о том, что она замужем за маньяком. Вполне возможно, что она позвонит в полицию или даже попытается его убить. Картианец может забыть о существовании своего ковенанта. Другой вампир может забыть о своей ключевой Дисциплине. Третий поверит, что он ранен, и начнёт впустую расходовать Витэ.

Смертного можно убедить в том, что он вампир, а вампира – в том, что он смертный. Водителя можно убедить в том, что он врач, а врача – в том, что он не читал ни одной книги по медицине.